

***

Эльмира Ахундова

Размышления публициста о творчестве
народного писателя Азербайджана

СВЕРХЗАДАЧА
ЭЛЬЧИНА

БАКУ – 2015

*Эльчин – истинный
писатель-патриот,
радеющий о судьбах
Слова, Литературы.*

ЭЛЬМИРА АХУНДОВА

СВЕРХЗАДАЧА ЭЛЬЧИНА

*Размышления публициста
о творчестве народного писателя
Азербайджана*

«Aspoliqraf»
БАКУ–2015

ЭЛЬМИРА АХУНДОВА

СВЕРХЗАДАЧА
ЭЛЬЧИНА

*Размышления публициста
о творчестве народного писателя
Азербайджана*

628 898-1

«Aspoliqraf»
БАКУ-2015

Azərbaycan Milli
Kitabxanası

Эльмира Ахундова
А95 Сверхзадача Эльчина.
Баку, «Aspoliqraf», 2015, 128 стр.

А $\frac{4502020000}{053}$ 2015

© «Aspoliqraf», 2015

«СЕРЕБРИСТЫЙ ФУРГОН» ПО-ПРЕЖНЕМУ В ПУТИ

Вместо предисловия

Эльчин ворвался в азербайджанскую литературу в одночасье, ярко заявив о себе на рубеже 60-х и 70-х годов так называемыми «абшеронскими рассказами». В это время в современной прозе Азербайджана появились знаковые имена. Все вместе они составят замечательную плеяду азербайджанских «шестидесятников», на многие десятилетия вперед определивших вектор и параметры развития азербайджанской литературы. Эльчин был самым молодым из этой плеяды. Он родился в 1943 году в Баку в семье знаменитого Ильяса Эфендиева – основоположника современной азербайджанской драматургии, народного писателя республики. Дилемма «что делать?» перед ним не стояла – с раннего детства у него была одна страсть: Литература. Эта страсть привела его на филфак Азербайджанского государственного

университета, а затем в аспирантуру Института языка и литературы имени Низами Академии наук. В 1968 году в жизни Эльчина случились сразу два знаменательных события: во-первых, его приняли в члены Союза писателей СССР, а во-вторых, он закончил аспирантуру, получив ученую степень кандидата филологических наук. Эти две ипостаси – ученого-литературоведа, автора ценных научных монографий и художественно-эстетических исследований и в то же время блестящего прозаика, драматурга, эссеиста – будут органично сочетаться в его творческой судьбе, взаимно дополняя друг друга.

В 1975 году в издательстве «Молодая гвардия» вышел в свет первый сборник рассказов Эльчина на русском языке под названием «Первая любовь Балададаша» с послесловием Льва Аннинского, в 1978 году журнал «Юность» опубликовал повесть «Серебристый фургон», вскоре в Москве вышла вторая книга Эльчина с одноименным названием, вызвавшая бурю откликов и даже полемику российских критиков в «Литературной газете». К молодому прозаику пришла подлинная известность. Его называли «импрессионистом», «истым романтиком», его светлые,

лиричные рассказы сравнивали с акварелями знаменитого художника Саггара Бахлулзаде. Лев Аннинский посвятил прозе молодого Эльчина несколько глубоких статей, пытаясь сквозь постижение его литературных героев и характеров нащупать специфику молодой азербайджанской прозы, ту «изюминку», благодаря которой она отличалась от прозы и грузинских, и литовских, и российских «шестидесятников».

«Эльчин любит чудеса, – писал в одной из своих статей Л. Аннинский, – он легкий и добрый сказочник, он грустный волшебник, он импрессионист, предпочитающий мерцающие, золотистые, серебристые краски... Есть своя прелесть, своя подкупающая сила в его прозе. Есть в ней возвышение, воспарение, очищение от повседневного. И есть поэзия – поэзия многолюдных кварталов, где в послевоенные годы колобродили голодные, едва выжившие, осиротевшие бакинские ребята – те самые, которые теперь выросли...»

В 1977 году рассказ «Талвар» («Навес»), опубликованный в журнале «Смена», получил премию как «самый лучший рассказ 1977 года», а сборник повестей и рассказов «Смоковница», изданный фантастическим по нынешним временам

тиражом в 235 тысяч экземпляров, был удостоен одной из самых престижных в Советском Союзе премий – премии Ленинского комсомола. Кстати, в 1983 году «Литературная газета» также отметила Эльчина специальной премией – как «самого активного автора».

На 80-е годы XX века приходится расцвет дарования Эльчина-прозаика, он создает крупные романские полотна «Махмуд и Мариам» (1983), «Белый верблюд» (1985), «Смертный приговор» (1989), которые переводятся на многие иностранные языки и впоследствии экранизируются. Проблема нелегкого нравственного выбора, подлинной человеческой свободы, вечные вопросы добра и зла, любви, смерти и бессмертия – в центре внимания Эльчина, который в своих романах поднимается до масштабов эпического повествования.

Конец 80-х – начало 90-х годов – тяжелый период в творческой биографии и духовных поисках Эльчина. Начало карабахского конфликта, наплыв беженцев из Армении, трагедия «черного января», распад большой страны, смена общественно-политических формаций и наступившая на постсоветском пространстве смута –

все это тяжким грузом давило на писателя, который, по его собственному признанию, не мог заставить себя взяться за перо. Все вокруг казалось зыбким, пустым и бессмысленным. Спасли, как это часто бывало, книги, литература. Впрочем, послушаем самого Эльчина:

«В минуты особенно мрачной тоски потянуло к книжной полке, причем к тем вещам, которые читал в молодости, в отрочестве. Перечитал «Робинзона Крузо». Потом открыл томик Мольера. Казалось бы, где Мольер с его комедиями, а где – я... Гнетущая атмосфера изнасилованного города, чрезвычайное положение, конфронтация в обществе. Но вдруг, неожиданно для себя самого, сажусь за машинку и начинаю переводить одну из мольеровских пьес. В тот момент меня абсолютно не интересовало, есть ли она уже на азербайджанском, для чего я вообще это делаю. Так, «одним махом», перевел «Плутни Скапена» и «Жоржа Дандена». Потом обратился к литературе о Мольере, перечел все, что было у меня дома и что можно было достать в библиотеках, – начиная от пьесы Булгакова и кончая статьями, посвященными азербайджано-французским литературным связям. Все это впоследствии

«вылилось» в большой очерк о писателе, а затем – в книгу «Комедии Мольера» с моими переводами и большим предисловием к ним.

Одним словом, контраст между тем, чем я тогда занимался, и тем, что происходило вокруг, был поразителен и до сих пор для меня необъясним. После этого внутри словно что-то повернулось. Я даже писать стал как-то по-другому. Отложил в сторону свой роман о шахе Исмаиле-втором, монографию об ашугской поэзии и занялся абстрактно-сюрреалистическими экспериментами. Все эти вещицы я назвал «Рассказами в диалогах»... Постепенно жизнь вошла в свою колею. Я снова засел за машинку и (опять неожиданно) впервые в жизни написал комедию. Сейчас эта пьеса называется «Ах, Париж, Париж!». Быть может, переводы и комедия и были той отдушиной, которая помогла пережить все это».

Да, что-то, а расставаться со своим прошлым смеясь Эльчин и его герои умеют. Правда, смех этот временами очень грустный и многие комедии напоминают скорее трагифарс, но это и понятно: Эльчин – носитель больших литературных традиций и потому не может позволить,

чтобы в его пьесах звучал бездумный смех, смех ради смеха, ради забавы и развлечения. Да и самые его веселые пьесы повествуют о вещах далеко не радостных, в основе комедий – все те же размышления писателя о смысле жизни, о любви и коварстве, о порядочности и подлости, о вечных человеческих ценностях и их девальвации в современный век. Пьесы Эльчина – «Здравствуйте, я ваш дядя», «Мой муж сумасшедший», «Мой милый сумасшедший», «Шекспир», «Убийца» и другие – стали новым словом в творчестве самого писателя, но в то же время серьезным явлением в современной азербайджанской драматургии. По верному замечанию посла Азербайджана в России Полада Бюльбюль оглы, со временем «появилось новое художественно-эстетическое понятие в азербайджанском искусствоведении: «Театр Эльчина». Пьесы этого автора с успехом ставятся в театрах Москвы и Санкт-Петербурга, Анкары и Стамбула, а буквально на днях прошла премьера спектакля «Мой милый сумасшедший» в Лондоне.

... В 1975 году Эльчин был избран секретарем Союза писателей Азербайджана, став самым молодым руководителем творческого союза за всю историю

этой организации. В конце 80-х годов возглавил общество «Ветер» («Родина»), стоял у истоков наведения культурных и человеческих мостов с соотечественниками, проживающими за рубежом. А в 1993 году его судьба сделала крутой и неожиданный вираж: вернувшийся к власти второй раз Гейдар Алиев предложил знаменитому писателю войти в состав его правительства. С тех пор Эльчин курирует гуманитарное направление в Кабинете Министров, являясь полноправным участником строительства молодой азербайджанской государственности.

Однако своему истинному призванию – литературе – он не изменял никогда. В последние годы он больше тяготеет к жанру драматургии, выступает с концептуальными статьями по проблемам современного литературного процесса. В середине 90-х годов Эльчин защитил докторскую диссертацию, стал профессором. В свою очередь, его собственное творчество давно стало предметом самых серьезных научных исследований. О нем написаны сотни статей и десятки монографий, по его произведениям защищены кандидатские и докторские диссертации. Одной из самых глубоких и концептуальных работ

Эльчин с общенациональным лидером Гейдаром Алиевым

является книга профессора Наргиз Пашаевой под названием «Человек – образ – литература».

К счастью, при всех своих званиях и регалиях (народный писатель Азербайджана, кавалер ордена «Независимость», многочисленные награды и премии России, Турции, Франции и др.) Эльчин не превратился в «литературного генерала», потому что остался человеком ищущим и сомневающимся. Вечно неудовлетворенным собой и вместе с тем очень счастливым. Наверное потому, что с ним по жизни идет его главная страсть – Литература, которой он служит искренне и беззаветно вот уже более полувека.

В свое время русские газеты и журналы, российские критики и литературоведы открыли всесоюзному читателю прозу Эльчина. Однако сегодня его больше знают и любят в братской Турции, в странах так называемого «дальнего зарубежья». Вдумчивый российский читатель, некогда воспитанный на прозе Думбадзе, Айтматова, Эльчина, сейчас отдален от национальных литератур постсоветского пространства. И это, конечно, грустно. Ибо литературная нива, которая взрастила талант Эльчина, при всей ее безбрежности,

прежде всего отмечена именами великих русских классиков – Чехова, Толстого, Шолохова. В своих литературных дневниках «Время и Слово» Эльчин не раз признается в любви к русской литературе. Отец Эльчина как-то упрекнул его в том, что он идеализирует Льва Толстого.

«Идеализирую ли я Толстого? – задает себе в душе вопрос Эльчин. – Нет. Все дело в том, что Толстой не позволяет идеализировать себя, ибо, как ни идеализируй его, «старец Толстой» все равно выше сотворённого тобой идеала».

В дневниках Эльчина я наткнулась на самую емкую и лаконичную характеристику творчества классика азербайджанской литературы Джалила Мамедкулизаде. Интересно, что характеристика эта озвучивается устами выдающегося российского мыслителя Петра Чаадаева: «Перелистывая П. Чаадаева, наткнулся на одно его признание и, как это ни странно, перед глазами у меня возник образ Мирзы Джалила. Чаадаев пишет: *«Я не умею любить Родину с закрытыми глазами».*

* * *

«Какие нравственные ориентиры поддерживают вас в это сложное время?» –

спросила я Эльчина в одном из своих интервью для «Литературки».

«Иногда, размышляя над этим, я впадаю в пессимизм, даже в панику, – ответил писатель. – С самых древних, незапамятных времен литература «сеяла разумное, доброе, вечное». В перманентной борьбе добра со злом писатель, естественно, был союзником добра. Мировая литература родила таких гигантов, как Гомер, Шекспир, Физули, Гёте, Толстой. Вы спросите – от чего же я впадаю в панику? Да ведь ничего не изменилось в этом подлунном мире. И поединку добра со злом не видно конца. Литература не в состоянии сама по себе что-либо изменить в мире или в человеческой натуре. Это меня угнетает. А с другой стороны, представьте себе на миг, что нет Гомера, Низами, Шекспира. И что тогда? Мрак, пустота, бездна!..»

*«Литературная газета»,
№21, 2013 год*

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

*Впечатления публициста от прочтения
книги Эльчина «Время и Слово»*

5928974-1

Знаковым литературным событием минувшего года лично для меня стала публикация дневников Эльчина в газете «Зеркало» (за что ей большое спасибо!). Затем, еще раз перечтя эссе, объединенные в книгу «Время и Слово», я решила поделиться с читателями газеты своими впечатлениями.

Всегда знала, что выдающийся азербайджанский прозаик и драматург Эльчин является заядлым книголюбом. И во время совместной работы в Союзе писателей в 80-е годы прошлого века, и много позднее мы нередко обменивались с ним литературными новинками или просто сведениями о том, какую из вышедших в наших или российских издательствах книгу следует непременно прочитать. Однако после знакомства с его литературными дневниками я (в который раз!) поразились много-

образию и поистине энциклопедичности его познаний в сфере литературы. Каюсь, сама много читавшая и читающая по сей день, то и дело сталкивалась в процессе чтения дневников с именами малознакомыми или вовсе неизвестными. А имена знаковые и даже любимые (тот же Толстой, Чехов или Джалил Мамедкулизаде) открывались для меня благодаря Эльчину с новой, порой неожиданной стороны.

В последние 10-15 лет мы все стали меньше читать: обилие дел и обязанностей, масса периодики, которую надо просмотреть по долгу службы, плюс ежедневная порция оперативной информации в Интернете почти не оставляют времени для серьезного, вдумчивого чтения. И тем поразительнее (и показательнее!) пример Эльчина, который на протяжении всей своей сознательной жизни ни на один день не расставался с главным своим духовным богатством – книгой. Прочитывая и перечитывая его дневниковые записи, ощущаешь, как тебя постепенно охватывают удивительные чувства – радости, нравственного удовлетворения и сопричастности тому великому и непреходящему, что именуется Литературой. Именно так – с большой буквы, с огромным уважением и любовью

относится писатель Эльчин к персонажам, произведениям, а также к создавшим эти персонажи и произведения бессмертным именам своих духовных прародителей. Литературная нива, взрастившая талант Эльчина, поистине безбрежна: здесь представлены все эпохи – от античности до XX века, все конфессии и все национальности мира. Поистине мир большой литературы в представлении Эльчина – это целая Вселенная с ее галактиками, мелкими и крупными звездами, которые то гаснут и погибают прежде времени, а то, напротив, веками сияют сильно и ярко. К таким крупным звездам в своих дневниках Эльчин обращается не раз и не два, неустанно размышляя над тайной и секретами обаяния их великих творений. В одной из записей он даже признается, что порой видит своих любимых героев во сне, встречается с ними как со старыми добрыми знакомыми: Анной Карениной Толстого, королем Лиром Шекспира, Дон-Кихотом Сервантеса, Аксиньей Шолохова. Великая литература и ее персонажи не оставляют писателя в покое ни во сне, ни в минуты редкого отдыха, даже в ресторане на каких-нибудь семейных торжествах, даже в театре или во время симфонического

концерта. И тогда Эльчин берет первый подвернувшийся под руку клочок бумаги, будь то салфетка, краешек газеты, приглашенный билет и записывает очередное литературное откровение, очередное признание в любви своим кумирам. И появляются на свет шедевры эссеистики, подобные следующим мыслям:

«Эмигрант Солженицын – интересная (сильная! принципиальная! бесстрашная!) личность. Слава эмигранта превосходит писателя. Впрочем, не всегда. Всё зависит от масштаба таланта этого писателя. Например, слава эмигранта оказалась бессильной перед творчеством Назыма Хикмета».

Или признание в любви к великому Льву Толстому. Отец Эльчина как-то упрекнул его в том, что он идеализирует этого писателя.

«Идеализирую ли я Толстого? – задает себе в душе вопрос Эльчин. – Нет. Все дело в том, что Толстой не позволяет идеализировать себя, ибо, как ни идеализирую его, «старец Толстой» все равно выше со-творённого тобой идеала».

В дневниках Эльчина я наткнулась на самую емкую и лаконичную характеристику творчества великого Джалила Мамедкулизаде. Интересно, что характеристика

эта озвучивается устами выдающегося российского мыслителя Петра Чаадаева: «Перелистывая П. Чаадаева, наткнулся на одно его признание и, как это ни странно, перед глазами у меня возник образ Мирзы Джалила. Чаадаев пишет: *«Я не умею любить Родину с закрытыми глазами».*

Вообще в дневниках Эльчина очень много литературных сопоставлений, параллелей, поисков архетипического в произведениях писателей разных эпох и разных национальностей. По моему мнению, книга «Время и Слово» могла бы служить учебником по компаративистике, науке весьма модной и востребованной в современном литературоведении. Назовем хотя бы такие эссе, как «Древние арабы повлияли на Толстого», «Мопассан и Тургенев», «Полковник Шабер и наши мертвецы», «Был ли наш Молла Насреддин литературным консультантом Эрнеста Теодора Амадея Гофмана», «Хемингуэй и Пушкин» и многие другие. Как истинное дитя Востока по своим этническим корням, как человек, влюбленный в азербайджанскую литературу, Эльчин бессознательно ищет (и находит!) убедительные параллели, переключку между произведениями дорогих его сердцу Мирзы Джалила, Мирзы Фатали

и корифеями мировой классики. И эти его открытия в очередной раз подтверждают высокий художественный уровень и общечеловечность сюжетов, воплощенных в книгах наших мастеров пера.

Литературные дневники Эльчина разножанровы и многолики: на одной странице – размышления о личности, феномене того или иного классика, на другой – разбор прочитанного произведения с точки зрения его сюжетной линии и жанровых особенностей, на третьей – раздумья о времени, в которое создавалась та или иная книга, на четвертой – меткие, остроумные, порой шутиливо-доброжелательные, а порой и сатирически-язвительные литературные портреты современников Эльчина – азербайджанских, русских или зарубежных писателей. Иногда дневниковые записи приобретают характер афоризмов и могут существовать сами по себе, как образец народного словотворчества. Среди таких мини-шедевров, например, фраза «Некоторые книги подобны падшим женщинам: идут по рукам», или: «Есть такие романы, которые по недосмотру появились на свет мертворожденными, но получили право на жизнь», или еще цитата: «Достоевского создал Бог. Достоевщину» – советская идеология».

При вручении Президентом Ильхамом Алиевым Эльчину ордена «Истигла»

Подобные фразы, похожие на крылатые выражения, можно цитировать до бесконечности, однако остановлюсь на этом, ибо очень хочу, чтобы наслаждение от их прочтения и постижения испытал сам читатель.

Мини-эссе, собранные в книге «Время и Слово», написаны в разное время – одни относятся к советскому периоду, другие к смутным годам перестройки, есть и записи последних лет. Эльчин сам пишет в предисловии, что по прошествии многих лет изменились его представления о тех или иных явлениях жизни, литературы и искусства, однако он предпочел не «осовременивать» свои заметки и предоставил их на суд читателей в «непричесанном» виде. И тем удивительнее одно обстоятельство: если судить по этим эссе, то почти за полвека литературной деятельности Эльчин практически не изменился в своих литературных вкусах и пристрастиях. И еще один факт: он и в советское время был абсолютно чужд вульгарной пролетарской идеологии, и в советское время отвергал советскую конъюнктуру, отвергал и на версту чуял ее своим безупречным художественным вкусом. Вот как, например, еще в 70-е – 80-е годы прошлого столетия он оценивал творчество того или иного

именитого советского «генерала от литературы».

О книге А.Гайдара «Тимур и его команда»: *«Эта повесть производит впечатление совместного постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР».*

О писателе Мехти Гусейне:

«... Советская идеология и, главным образом, фанатичная вера Мехти Гусейна в нее кардинально изменили направление движения писателя в литературе... И Мехти Гусейн пополнил трагический список писателей, чей талант буквально был удушен идеологией».

О Михаиле Булгакове:

«Для того, чтобы воочию увидеть, почувствовать драматизм борьбы между Конъюнктурой и Талантом, достаточно прочесть Булгакова. На одном полюсе пьеса о Кобе, на другом «Мастер и Маргарита». А в середине – «Бег». К счастью для русской (и мировой!) литературы XX века в этой борьбе, протекавшей в границах творчества Булгакова, победителем оказался Талант».

Для Эльчина синонимом слова «счастье» является... «чтение». Как я его хорошо понимаю! На всю жизнь запомнилось ощущение счастья, которое я испытывала в школь-

ные или студенческие годы, если в руки попадалась редкая книга, за которой я давно охотилась. Я предвкушала несколько дней подлинного счастья от общения с большой литературой, и предвкушение это меня никогда не обманывало. Для Эльчина, например, развал СССР знаменателен еще и тем, что он теперь может «открыто искать, находить и читать любую книгу». Однако вот тут-то и кроется парадокс судьбы. Да, сегодня мы приобрели свободу читать то, что нам хочется, писать, как нашей душе угодно, обращаться к любым темам и сюжетам. Зато теперь круг читателей этих самых книг, за которыми мы некогда охотились как за самой большой драгоценностью, невероятно сузился. И счастье от прочтения хорошей книги сегодня способны испытать не огромные массы людей, как было в Советском Союзе, а редкие энтузиасты-книгочеи.

Очень хотелось бы надеяться, что публикация талантливых эссе Эльчина, вышедших на двух языках, подвигнет наших молодых литераторов, гордо именующих себя «писателями», к серьезному, вдумчивому чтению. Книга Эльчина представляет собой замечательный пример именно такого – профессионального – чтения.

Размышляя над тайной художественного слова, Эльчин приходит к убеждению: время всё обращает в прошлое, перед ним бессильны все виды искусства... Или почти все, потому что, как считает писатель, «время бессильно перед книгой». «А, может, Слово и есть Время?» – задается вопросом Эльчин. Наверняка, так оно и есть. Вначале ведь действительно было Слово. Приобщаясь к тайне Слова, погружаясь в магию и очарование Слова, человек становится ближе к Создателю. Наверное, в этом кроется загадка божественной сути Слова, гимном которому является замечательная книга Эльчина.

*Газета «Зеркало»,
16 января 2010 года*

СВЕРХЗАДАЧА ЭЛЬЧИНА

*Размышления,
навеянные прочтением
сборника драм и комедий*

В начале 90-х годов народный писатель Азербайджана Эльчин, автор знаковых прозаических произведений, серьезнейших философско-психологических романов, создатель научных монографий вдруг стал писать пьесы. Да не просто пьесы, а искрящиеся смехом, иронией, полные анекдотичных, невероятных ситуаций комедии. По верному замечанию Полада Бюль-бюль оглы, со временем «появилось новое художественно-эстетическое понятие в азербайджанском искусствоведении: «Театр Эльчина».

Некоторое время назад Эльчин подарил мне книгу своих избранных пьес, по внимательном прочтении которых мне захотелось поделиться с читателями «мыслями вслух». Мои заметки – это не заметки профессионального критика-рецензента,

это просто размышления по поводу прочитанного.

Конечно, пьесы лучше не читать, а смотреть на сцене. Помню, как поразила меня драма «Убийца», на премьеру которой я была приглашена автором, поразила и замечательная драматургия Эльчина, и превосходная игра актеров Азгосдрамтеатра. Вообще, перечитав пьесы этого автора, я поняла, что жанр трагедии – его конек, а «Убийца», на мой взгляд, вершина его драматургии. Путь к этой вершине был неблизким и во многом спонтанным. Во всяком случае, до какого-то времени сам писатель и не помышлял о том, что будет писать «Комедии и драмы перелома».

Так называлось интервью с Эльчином, опубликованное в сентябре 1994 года в знаменитой «Литературной газете», чьим собственным корреспондентом я тогда являлась. В числе прочих был задан вопрос о том, что подвигло Эльчина обратиться к жанру драматургии. Вот каким был ответ:

«Январские события 1990 года переломили жизнь пополам. Я не мог заставить себя не только сесть за письменный стол, но даже подумать о том, чтобы что-то написать. В голове все время звучали выстрелы... Мы живем в нагорной части

Баку, так что весь этот ужас происходил на моих глазах. В минуты особенно мрачной тоски потянуло к книжной полке, причем к тем вещам, которые читал в молодости, в отрочестве. Перечитал «Робинзона Крузо». Потом открыл томик Мольера. Казалось бы, где Мольер с его комедиями, а где – я... Гнетущая атмосфера изнасилованного города, чрезвычайное положение, конфронтация в обществе. Но вдруг, неожиданно для себя самого, сажусь за машинку и начинаю переводить одну из мольеровских пьес. В тот момент меня абсолютно не интересовало, есть ли она уже на азербайджанском, для чего я вообще это делаю. Так, «одним махом», перевел «Плутни Скапена» и «Жоржа Дандена». Потом обратился к литературе о Мольере, перечел все, что было у меня дома и что можно было достать в библиотеках, – начиная от пьесы Булгакова и кончая статьями, посвященными азербайджано-французским литературным связям. Все это впоследствии «вылилось» в большой очерк о писателе, а затем – в книгу «Комедии Мольера» с моими переводами и большим предисловием к ним.

Одним словом, контраст между тем, чем я тогда занимался, и тем, что про-

исходило вокруг, был поразителен и до сих пор для меня необъясним. После этого внутри словно что-то повернулось. Я даже писать стал как-то по-другому. Отложил в сторону свой роман о шахе Исмаиле-втором, монографию об ашугской поэзии и занялся абстрактно-сюрреалистическими экспериментами. Все эти вещицы я назвал «Рассказами в диалогах»...

Постепенно жизнь вошла в свою колею. Я снова засел за машинку и (опять неожиданно) впервые в жизни написал комедию. Сейчас эта пьеса называется «Ах, Париж, Париж!». Быть может, переводы и комедия и были той отдушиной, которая помогла пережить все это.

Да, что-то, а расставаться со своим прошлым смеясь Эльчин и его герои умеют. Правда, смех этот временами очень грустный и многие комедии напоминают скорее трагифарс, но это и понятно: Эльчин – носитель больших литературных традиций и потому не может позволить, чтобы в его пьесах звучал бездумный смех, смех ради смеха, ради забавы и развлечения. Да и самые его веселые пьесы повествуют о вещах далеко не радостных, в основе комедий – все те же размышления писателя о смысле жизни, о любви и

коварстве, о порядочности и подлости, о вечных человеческих ценностях и их девальвации в современный век. Просто размышляет он об этом устами своих персонажей, помещая их в причудливые, порой заведомо абсурдные ситуации, которые как нельзя лучше высвечивают достоинства и недостатки их характеров.

В этом смысле символичной представляется мне пьеса-фарс «Принц страны Кисельных берегов, или да здравствует великий Лев Отиби III Делембор Тыр-Тыр». Абсурдная, фантастическая ситуация, когда младший отпрыск семьи бедного бакинского учителя начальной школы вдруг по воле судьбы объявлен императором далекой африканской страны Кисельных берегов, становится моментом истины для многих персонажей пьесы. Почти никто из них не выдерживает испытания богатством и властью, свалившимися на голову семьи, подлый оказывается еще подлее, скупой еще скупее, даже 90-летний дед главы семьи мечтает урвать кусок из жирного пирога, чтобы занять собственную бензоколонку и заняться бизнесом (!).

В комедиях Эльчина вообще очень мало по-настоящему симпатичных персонажей, все больше перевертышей вроде

1968 г. Эльчин с профессором Гюльрух Алибековой

друга героя пьесы «Мой муж – сумасшедший», который в советское время был секретарем парткома, а нынче заделался ярым пантюркистом, или профессора, некогда читавшего лекции студентам по научному атеизму, а после обретения страной независимости срочно переквалифицировавшегося в богомольца, мечтающего отправиться в хадж по святым местам и стать членом мусульманского благотворительного общества «Ульвийат».

Подобные приспособленцы отлично чувствуют себя в любой среде и при любом общественном строе, как его ни назови – коммунизм или капитализм. Ибо при любой формации подлецы и карьеристы, к сожалению, в чести. А вот людям истинно порядочным, с убеждениями и нравственными принципами в эпоху перемен приходится особенно нелегко. Не случайно в пьесах Эльчина умные, симпатичные люди, которые производят наиболее адекватное впечатление, – это или сбежавшие из сумасшедшего дома личности (вроде главного редактора газеты из пьесы «Мой любимый сумасшедший»), или персонажи, которые вынуждены притворяться сумасшедшими, чтобы их оставили в покое и перестали третировать.

Вообще мотив сумасшествия, безумия, аномальности происходящего вокруг рефреном звучит во многих пьесах Эльчина, что соответствует смутному времени перемен, в которое обречены жить герои его произведений. Все так запуталось, все перевернулось с ног на голову, идеалисты превратились в капиталистов, атеисты в правоверных, ветеринары стали лидерами политических партий, и все вместе безудержно поклоняются золотому тельцу – главному Божеству наступившей эпохи. И впрямь, есть от чего сойти с ума.

В пьесах Эльчина нормальные персонажи завидуют сумасшедшим, потому что тем не надо притворяться, скрывать свои желания, казаться не теми, кто они есть на самом деле. Сумасшедшие живут в выдуманном ими мире, и этот мир, как правило, возвышен и благороден. Нормальные живут в реальном мире, но этот реальный мир очень далек от совершенства. И потому главврач из пьесы «Шекспир» искренне завидует своим пациентам:

«Главврач (прохаживаясь по кабинету). Все двуличные... говорят одно, а думают другое... Клянутся в преданности, а в любой момент готовы предать. Корысть возобладала над всеми духовными

ценностями... Как видно, нет людей счастливее сумасшедших. Возомнила себя Сарой Бернар – и живет, горя не знает, другой твердит, что прибыл с Венеры. Живет прекрасной иллюзией вернуться на прекрасную Венеру, знать не знает, что творится на свете... Что может быть лучше – не знать ни черта о подлунном мире...»

Трагическая обыденность жизни, вечный страх потерять должность, потому что вместе с ней ты потеряешь всякое уважение даже среди домашних, для главврача страшнее сумасшествия. И в душе зреет желание – прийти в больницу ночью и повеситься на воротах.

Сумасшедшие в пьесе «Шекспир» в высшей степени деликатные и внимательные друг к другу люди, никто из них ни на секунду не ставит под сомнение, что человек, объявивший себя Сталиным, на самом деле Сталин, а женщина, вообразившая себя Сарой Бернар, и впрямь является великой французской актрисой, и Венерианец действительно прибыл с планеты Венера. Их вера в чудеса, в невозможное настолько сильна, что в конце концов чудо происходит и пациент по имени Дробь-13 на самом деле оказывается

пришельцем с другой планеты, где нет войн и катастроф, где страны не отделены друг от друга границами и колючими проволоками, где люди всегда и всем говорят правду и делают что хотят. Пришелец со странным именем Дробь-13 и пациенты сумасшедшего дома прекрасно поняли друг друга, потому что разговаривали на языке своих сердец.

Автор пьесы призывает нас верить в чудеса, быть терпимыми друг к другу, воспринимать окружающих такими, какие они есть на самом деле, а не такими, какими бы нам хотелось их видеть. Каждый из нас с чудушкой, со странностями, и не следует превращать этот факт в трагедию. Надо уметь слышать, слушать друг друга, надо постараться понять друг друга. Именно этой чудесной, замечательной способностью **слышать и понимать** обладают обитатели сумасшедшего дома, которых язык не поворачивается назвать «безумными».

* * *

Великолепная по силе и глубине психологизма пьеса Эльчина «Убийца», я бы назвала ее самым серьезным достижением отечественного театра постсоветского

периода. Мощный, эпического размаха образ Женщины, как будто списанной с античных персонажей Софокла и Еврипида. Не менее колоритный образ Молодого человека, палача и жертвы одновременно, и это вновь отсылает нас к прообразам античных драм.

В центре пьесы двое одиноких людей, самой судьбой предназначенных друг другу, но не осознавших этого, не расслышавших друг друга. От этого непонимания происходит трагедия. Сколько же таких поломанных судеб, отторгнутых половинок можем мы вспомнить по жизни. Быть может, не все из них завершают свои отношения столь мучительно-безжалостно, быть может, они остаются существовать физически, но ежедневно, ежечасно уничтожают друг друга в нравственном отношении. И слышится по прочтении драмы печальный глас писателя-гуманиста: «Люди, берегите любовь! Не предавайте это чувство, ведь оно так прекрасно...»

Эльчин, как я уже отмечала, наследник больших литературных традиций, поэтому эти традиции ощущаются в его пьесах при всем их новаторстве и оригинальности. Например, пьеса «Здравствуйте, я ваш дядя» построена по принципам античной

драмы, она даже идет в сопровождении хора, среди участников которого Аполлон, Терпсихора, Талия, Мельпомена и прочие греческие божества.

А по прочтении пьес «Мой муж сумасшедший», «Ищите сумасшедшего» при всех различиях в сюжете возникают реминисценции, отсылающие нас к драматургии великого Джалила Мамедкулизаде, к пьесам «Сборище сумасшедших», «Книга моей матери», «Мертвецы». И здесь, и там полно перевертышей, шарлатанов, людей, мгновенно меняющих веру и убеждения, отрекающихся даже от материнского языка в угоду политической конъюнктуре. Комедийная техника письма, особенно в жанре фарса, приемы сценического гротеска, применяемые Эльчином, напоминают порой бессмертные комедии Жана Батиста Мольера.

Ну и, конечно, через все пьесы путевой нитью проходят образы героев любимого драматурга Эльчина – великого Шекспира. Цитаты из пьес Шекспира декламируют многие герои эльчиновских драм и комедий, а одна из пьес даже названа именем выдающегося англичанина. И это тоже – приверженность традициям, без которых, как известно, не может быть

настоящей литературы. И прав Полад Бюль-бюль оглы, написавший в предисловии к книге писателя, что «эта книга отражает важное качество, присущее всему творчеству Эльчина: проблематика ее заключает в себе сколь национальный, столь и общечеловеческий характер».

* * *

С развитием кинематографа начались споры по поводу того, умрет театр или будет продолжать жить. Во что он трансформируется в XXI столетии, какая драматургия будет более востребована и т.д. и т.п. Пока критики ломали и продолжают ломать вокруг этого вопроса копыя, театр благополучно пережил пик кризиса и сегодня, судя по всему, находится на подъеме. Актеры не испытывают дефицита внимания публики, залы театров по-прежнему полны, и, что самое интересное, признанные мастера отечественной литературы, прежде от сцены весьма далекие, в последнее время все чаще обращаются к жанру драматургии, чтобы выразить свои гражданские чувства. Вспомним последние пьесы Максуда Ибрагимбекова, философские пьесы-притчи Камала Абдуллы, и, наконец, драмы и комедии Эльчина. Видимо,

есть в жанре драматургии некая магия притягательности, которая заставляет вполне успешных прозаиков, поэтов, ученых обращаться к этому жанру в своих творческих поисках. Не избежал этого соблазна и выдающийся мастер пера Эльчин, за что сегодня все любители Мельпомены ему благодарны. Ибо, на мой взгляд, настоящий театр будет существовать там и тогда, где продолжают создавать образцы высокой драматургии. С этой сверхзадачей Эльчин, по-моему, справляется блестяще. Пожелаем же ему удачи.

*Газета «Зеркало»,
10 июля 2010 года*

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ НА СВЕТЕ...

*Бессмертные образы Махмуда
и Мариам навсегда останутся с
азербайджанским народом*

Осенью 2013 года на экраны Азербайджана и Турции вышел фильм «Махмуд и Мариам», снятый совместно кинематографистами двух стран по одноименному роману Эльчина. В настоящее время прокат этого блокбастера успешно осуществляется в странах арабского Востока и государствах Европы. Зрители, которым удалось посмотреть фильм (в Азербайджане таковых немного, ибо современный зритель привык скачивать новые картины из Интернета или терпеливо ждет, пока фильм появится на телеэкране), отмечают его несомненные художественные достоинства, профессионализм актеров, яркость и зрелищность постановочных кадров.

Мне же после просмотра картины захотелось вновь перечитать роман,

1976-ой год. Съезд писателей Азербайджана. Слева: первый секретарь Союза писателей
Израил Гасымов, секретарь Союза писателей СССР, главный редактор журнала
«Советский Союз» Николай Грибачев, секретарь Союза писателей Эльчин

вышедший в свет ровно 30 лет тому назад, и поразмышлять над удивительной природой писательского озарения, которое в определенные моменты истории может оказаться пророческим.

В начале 80-х годов XX столетия в Азербайджане и Армении почти одновременно вышли две книги – публицистическое эссе Зория Балаяна «Очаг» и роман Эльчина «Махмуд и Мариам». В 1984 году «Очаг» был издан в Москве, в 1985-м роман «Махмуд и Мариам» – опубликован на русском языке в Баку, после чего переведен на многие языки мира и издан во многих странах ближнего и дальнего зарубежья. В этих произведениях как в зеркале отразились два полюса мировосприятия, два подхода к историческому прошлому своего народа. С одной стороны, воспевание национальной исключительности, ущербная попытка объяснить все беды своего народа обреченностью проживания во враждебном ареале, среди «кровожадных» тюрок (книга З.Балаяна). С другой – роман Эльчина, отразивший многовековые гуманистические традиции классической азербайджанской и – шире – восточной литературы с ее любовью к человеку, независимо от национальной, религиозной

и расовой принадлежности. В то время как в публицистике З.Балаяна все дышит нетерпимостью и даже ненавистью к людям другой веры, прежде всего к тюнкам, в романе Эльчина, напротив, звучит мощный гуманистический посыл: все мы – дети Адама и Евы, а предрассудки, мешающие людям разной веры воссоединиться друг с другом, в конечном счете приводят к трагедии.

...Роман, как и фильм, рассказывает о событиях глубокой истории. Гянджа начала XVI века (эпоха правления Шаха Исмаила), всесильный и в то же время бессильный перед ликом истинной любви правитель Гянджи Зияд хан и его супруга, прекрасная Гамарбану, Махмуд и Мариам, магометанин и христианка, полюбившие друг друга со всей страстью, на которую только способна пылкая юность.

В основе произведения лежит сюжет бессмертного романтического дастана «Асли и Керем», который вот уже многие века вдохновляет мастеров кисти и пера, музыкантов на создание оригинальных творений (*в их ряду мугамная опера великого Узеира Гаджибейли*). Однако роман писателя XX века, несомненно, глубже, объемнее и полифоничнее заявленной в дастане

темы: обреченность любви в жестоком и несовершенном мире.

Не буду анализировать произведение Эльчина, это уже давно и профессионально сделали исследователи творчества замечательного азербайджанского прозаика. Скажу лишь о том, что, на мой взгляд, предопределяет особую актуальность книги и созданного на ее основе фильма. Перечитывая роман «Махмуд и Мариам», не устаешь изумляться, как удалось писателю в то относительно благополучное время начала 80-х годов XX века увидеть и постичь главные вызовы и угрозы века XXI. Книга поражает безысходностью, трагичностью происходящих в ней событий: дворцовые интриги и кровавые перевороты, вероломство правителей и их подданных, голод и нищета простолюдинов (чего стоит только один лишь эпизод с Шатунами), кровавые междоусобицы между тюркскими народами и – как апофеоз, как Апокалипсис – гора отрезанных голов близ Чалдырана, где произошло самое кровопролитное в средневековой истории сражение между османскими и сефевидскими войсками.

В период создания романа «Махмуд и Мариам» разгорелась ирано-иракская вой-

на, которая по продолжительности (1980-1988 гг.) и человеческим жертвам (более 1 млн. человек) явилась одним из крупнейших военных конфликтов после Второй мировой войны. В этой войне гибли и наши соплеменники-азербайджанцы, и когда Эльчин устами Махмуда взывал к Аллаху, умоляя его образумить людей, воюющих «из-за пяти пядей земли», «из-за мешочка золота», он, наверное, думал и о своих братьях по ту сторону Араза, втянутых братьями же по вере в бессмысленную кровавую бойню. Наверняка свою роль в душевном состоянии Эльчина сыграло и советское вторжение в Афганистан, когда мы впервые узнали о цинковых гробах и когда этот страшный груз-200 стал в числе прочих республик бывшего СССР прибывать в Азербайджан.

К великому сожалению, роман-прозрение «Махмуд и Мариам», как соответственно и фильм, оказались еще более актуальными в XXI столетии. Удивительно даже, что заставило Эльчина обратиться к этой «немодной» тогда теме религиозной нетерпимости в достаточно спокойные для нашей страны годы. В то время советские идеологи во всеуслышание трубили о решении национального вопроса в

Советском Союзе, где якобы сформировалась «новая историческая общность – советский народ». Европа тоже всюю объединялась и с удовольствием принимала тысячи иммигрантов из третьего мира. В те годы понятия интернационализма, мультикультурализма были актуальными и востребованными. Поэтому отраженные в книге события с проекцией в день сегодняшний я иначе как писательским озарением, писательской пронзительностью не назову.

Эльчин, как истинный писатель и интеллигент, в своем творчестве всегда являлся нон-конформистом, он всегда плыл против течения. В этом романе он возвышается до настоящего пророчества: люди, будьте бдительны, не поддавайтесь на провокации национальных экстремистов и религиозных фанатиков, иначе та же трагедия постигнет современных Махмуда и Мариам. Как в воду глядел. Зловещий опус Зория Балаяна в числе прочих факторов сделал свое черное дело: спустя всего несколько лет начались карабахские события, во время которых распались тысячи смешанных семей, а многие стали беженцами и изгоями...

Затем, по прошествии еще нескольких лет, несмотря на все усилия цивилизован-

ного сообщества, в мире разгорелась третья мировая война. Она только называется «холодной», а на самом деле она очень даже горячая и настоящая, потому что в результате с той и другой стороны гибнут мирные люди и льется горячая человеческая кровь. Я имею в виду взрывы и теракты религиозных фанатиков – как мусульманских, так и христианских (достаточно вспомнить протестантского фундаменталиста Брейвика, жертвами которого стали почти 80 детей в Норвегии). И людей, как несколько столетий назад в романе Эльчина, сегодня вновь разделяют религиозная нетерпимость, фанатизм, необоснованная ненависть к людям «не своей» веры. И вот уже рафинированные европейские политики принимают жесткие законы против мигрантов, запрещают строительство мечетей и заявляют о крахе мультикультурализма. А любовь современных Махмуда и Мариам во многих странах мира в XXI веке вновь обречена, как и несколько столетий назад. Увы, политики не желают прислушиваться к голосам писателей, которые с упорством пытаются привить нам всем одну и ту же мысль – о любви, которая единственно и может спасти мир.

Еще об одном потрясающем предвидении, которое прозвучало в романе, мне бы хотелось упомянуть. Это мысли правителя Эрзрума Сулеймана паша, которые он, правда, в радикальной форме, излагает своему собеседнику Махмуду. *«Для меня нет человечества, стоящего над нацией!.. – говорит Сулейман паша. – Для меня тюрки выше человека!.. Все животные неодинаковы. И люди неодинаковы. Тюрки всей земли, независимо от строения их лиц, от их обычаев, должны объединиться!.. А мы что делаем? Узун Гасан заключил союз с греками против османцев! Гарагоюнлинцы и аггоюнлинцы перепили друг друга! Что делает Султан Салим? Едва взойдя на престол, вешает более сорока тысяч гызылбашей – своих подданных! Кто эти гызылбашаи? Наши же! Что делает Шах Исмаил? Блюдет честь шиитства! Вместо того чтобы блюсти тюркскую честь! Сами себя изрубили...»*

С удивительной прозорливостью предугадал Эльчин, что спустя всего десять лет его страстный призыв к объединению тюрков будет услышан, на пространстве СССР будут созданы независимые тюркские государства, а потомки Султана Се-

лима и Шаха Исмаила сердцем и разумом воспримут сакраментальную формулу тюркского братства, провозглашенную великим Гейдаром Алиевым: *«Турки и азербайджанцы – это единая нация, живущая в двух государствах».*

Но до этого было еще 10 лет, и потребовалось немало писательского мужества и принципиальности, дабы в противовес ущербной человеконенавистнической философии зориев балаянов провозгласить лозунг общетюркской и – шире – общечеловеческой солидарности.

* * *

...А теперь мне хотелось бы вернуться к фильму «Махмуд и Мариам», который, собственно, явился информационным поводом для написания данной статьи. И поделиться впечатлениями рядового зрителя, которого, как написала в своей рецензии известный азербайджанский журналист Галина Микеладзе, до просмотра обуревали сомнения, удастся ли кинематографистам без ощутимых потерь перенести на свой язык образную и философскую ткань романа: *«Трудно согласиться на столь смелый шаг без опасения, что материал, так активно принятый миллионами*

читателей в разошедшихся по свету искусных переводах на разные языки, при соприкосновении с кинематографическими приемами потеряет обаяние и философский смысл. Что не изменит замыслу и силе его воздействия, представ в иной стилистике, вдали от авторского текста, каждое слово которого наполнено ароматом изысканной прозы с ее неповторимым музыкальным многоголосием...»

Признаться, я тоже приступала к просмотру с трепетом, с внутренним волнением. Несколько дней даже не решалась поставить диск в дисковод: а вдруг меня ждет разочарование, а вдруг не понравится выбор главных героев, да и сумеют ли кинематографисты передать сложную многослойную структуру романа? Словом, начала я смотреть картину с изрядной долей скепсиса. Тем более что из сообщений прессы мне было известно, что народный писатель Азербайджана Эльчин вручил судьбу культового романа, по сути, новичку в кино, режиссеру-дебютанту Мехмету Ада Оздекину, снявшему фильм с азербайджанской компанией «Салнаме» и турецкой – 24 Karé.

Проект, поддержанный министерствами культуры обеих стран, был важен не

1980-ый год. На подмосковной даче главного редактора журнала «Юность», поэта Андрея Дементьева

только сам по себе, как экранизация одного из ярких произведений современной отечественной литературы. Его значимость заключалась и в том, что это – первый азербайджано-турецкий совместный кинопроект. Тем более такой масштабный: предстояли съемки в разных странах и городах, актерам надо было обучиться фехтованию и верховой езде, костюмерам – перенести своих героев в эпоху средневековья, а оператору – заснять батальные сцены сражения османов с сефевидами. Я уже не говорю о поисках актеров, призванных воплотить на экране полубившиеся миллионам образы – Махмуда и Мариам.

По мере просмотра фильма мое внутреннее сопротивление ослабевало, а к концу фильма и вовсе растаяло. Вердикт однозначен: фильм получился очень достойным, а его создатели бережно отнеслись к литературной первооснове. Конечно, суть противостояния сефевидов с османами осталась за кадром, как и картина народных бедствий и страданий, которую увидел Махмуд во время своих странствий. Конечно, язык кино не сумел передать всю многоплановость и сложность образов второго плана (воспитатель Махмуда Сафи, красавица Джейран, Мужчина

в Красной Юбке, сборище бродяг Шатунов и др.) Однако создателям картины удалось счастливо избежать длиннот и многословия, которым некогда грешили азербайджанские фильмы на историческую тему, создать действительно динамичный фильм, который смотрится на одном дыхании и покоряет профессионализмом как актеров, так и съемочной команды.

Успех фильма в большой степени предопределен верным выбором исполнительцев на главные роли – Махмуда и Мариам. Арас Булут Ийнемли и Ева Дедова покоряют своей романтической внешностью, лиричностью и непосредственностью. Они напоминают нам о бессмертных образах мировой литературы: Лейли и Меджнун, Ромео и Джульетта, Асли и Керем. И все эти литературные реминисценции сливаются в единый мощный гимн любви, которую можно убить, но сломать, покорить чужой воле нельзя. В принципе, фильм именно об этом: у человека даже в самых экстремальных, самых невероятных обстоятельствах есть выбор. И иногда он выбирает смерть, чтобы не изменить себе и своим высшим принципам...

Некоторые образы в фильме грешат недосказанностью, кроме того, не все будет

понятно современному зрителю, если он не читал роман Эльчина. Но это и хорошо, потому что фильм у нас и за рубежом непременно спровоцирует всплеск интереса к литературному первоисточнику. И молодое поколение (хорошо, если бы так!) обратится к чарующему, колдовскому, как вся его проза, роману замечательного азербайджанского писателя Эльчина.

* * *

... Можно ли быть счастливым в мире, где столько страданий и бед? Имеет ли человек право на простое человеческое счастье в мире юдоли и скорби? Эльчин не дает ответа на эти сакраментальные вопросы. Его проза не дидактична, она не призвана врачевать человеческие души. Его цель в другом: заставить человека стать реалистом, помочь ему увидеть мир без розовых красок. И в то же время поощрить непрестанное стремление к мечте. Ведь в сущности, как написал Эльчин в одном из своих эссе, опубликованных в знаменитой «Литературной газете», писатель по природе своей является самым большим мечтателем.

Вот и мы, перевернув последнюю страницу выдающегося романа и посмотрев

последние кадры его талантливой киноверсии, будем мечтать о том времени, когда тема любви, обреченной в силу религиозных или сословных предрассудков, перестанет быть модной и останется лишь в произведениях искусства. Так, как навсегда останутся с азербайджанским народом бессмертные образы Махмуда и Мариам.

*Газета «Каспий»,
1 марта 2014 года*

ПРАВО БЫТЬ САМИМ СОБОЙ

*О книге Эльчина «Мечта,
жизнь, литература»*

СТАТЬЯ 1

Мэтр отечественной словесности, народный писатель Азербайджана Эльчин, при всей своей загруженности многотрудными делами в правительстве, находясь в непрестанном художественном поиске, в то же время всегда умудрялся держать руку «на пульсе» литературного процесса, и в советское время, и в эпоху независимости организуя и, по возможности, направляя этот процесс в здоровое русло. За более чем полувековое служение Слову из-под пера Эльчина вышло несколько сотен статей, очерков, эссе, интервью, посвященных тем или иным аспектам литературного процесса, проблемам литературной критики, творчеству выдающихся представителей национальной культуры. И вот перед нами очередная – юбилейная – книга, своего рода дайджест лучших литера-

турно-критических трудов маститого писателя. В этой огромной по размеру книге (без малого 900 страниц) собрана лишь небольшая часть образцов литературной критики Эльчина. Причем, в книге помещены статьи не только последних двух десятилетий периода независимости, но и статьи, помеченные 1975, 1976, 1981 годами, то есть написанные в советский период и опубликованные в крупнейших периодических изданиях СССР – журнале «Дружба народов», «Литературной газете», а также в книге «Поле притяжения», изданной в Москве. Для тех, кто не знает или не помнит, скажу: в 70-80-е гг. XX столетия Эльчин, молодой талантливый прозаик, был одним из самых популярных и востребованных литературных критиков на всем советском пространстве, без него не обходилась ни одна серьезная литературная дискуссия общесоюзного масштаба, которая проходила в то время на страницах журнала «Вопросы литературы» или в «Литературной газете». Некоторые из этих материалов помещены в рецензируемом нами сборнике. Такие статьи как «Социальная правда и модные клише» («ЛГ», 1978), «Бывают ли гривастые львицы?» (ЛГ, 1980), «Быть самим

собой» (ЛГ, 1982) и др. в свое время становились событием в литературной среде, ими зачитывались, их страстно обсуждали, в том числе в ходе публичных дискуссий. В то время литература вообще была, как говорится, «властительницей дум».

Читая статьи Эльчина советского времени, почти сразу же находишь ответ на вопрос, нужны ли сегодня эти материалы более чем 30-летней давности, если нет уже ни самого СССР, ни создававшейся на его просторах литературы «социалистического реализма». Ответ однозначен: не только нужны, но, как это ни парадоксально, многие постулаты критических статей Эльчина о произведениях советского периода не потеряли актуальности в настоящее время, а некоторые, к сожалению, стали еще актуальнее. На вопрос «почему?» постараемся ответить обстоятельно.

Во-первых, в статьях Эльчина нет и тени литературной конъюнктуры. Зато в достатке есть принципиальность, обоснованность суждений, полемический задор, нестандартный взгляд на современный литературный процесс, широкий кругозор... И главное, серьезная критика, «невзирая на лица». Например, в статье «Молла, помоги мне», анализируя слабые стороны

азербайджанского рассказа, Эльчин специально оговаривает, что критическому анализу в его материале будут подвергнуты не слабые произведения бездарных писателей (с этими как раз все ясно), а произведения писателей талантливых, ибо, по мнению Эльчина, быть взыскательной к продукции, выходящей из-под пера подлинных профессионалов – «важнейшая задача критики, если она не хочет снижать критериев».

Во-вторых, по статьям Эльчина советского периода вполне можно изучать историю азербайджанской литературы 60-80-х годов XX столетия со всеми ее сильными и слабыми сторонами, «болезнями роста» и очевидными успехами, отличиями «деревенской» прозы от прозы «городской», причем в сопоставлении с лучшими литературными образцами, создаваемыми на всем огромном советском пространстве – в Эстонии и Белоруссии, Украине и Грузии, России и Латвии. Поистине сборник «Мечта, жизнь, литература» предоставляет бесценный материал как для историков литературы, так и для тех, кто профессионально занимается литературной критикой.

Приведу несколько примеров-цитат из «советских» статей Эльчина в подтвер-

ждение их неуываеваемой актуальности. Вот что он пишет, к примеру, в статье «Поток стихов»... Что делать?» («Дружба народов», 1975):

«... Это в крови у нас – писать стихи. А вы говорите: много у нас пишут стихов. «Много» – не то слово. Слишком много!..

Да, азербайджанцы – народ поэтический...

Однако разве это означает, что в современную эпоху должны писать стихи все? Что в этом случае станет с поэзией?

У нас пишут слишком много стихов, потому что слишком мало пишут о стихах. Мало и плохо. Критерии размыты... Наверное, надо восстановить высокую репутацию профессиональной поэзии, отнюдь не являющейся предметом массового потребления XX века, подобно зубной щетке или соломинке для коктейля. Надо восстановить волшебные двери поэзии, ибо сегодня они распахиваются отнюдь не от тайных слов таланта «Отворись, Сезам!», сегодня они пали сами по себе и лежат в пыли – входи кто хочет! И входят, как безбилетные школьники в кинотеатр, в котором нет контролера...»

Заметьте, это написано в 1975 году, а кажется, что только вчера. Ибо сегодня

С писателем
Иваном Третьяковым

масштаб непрофессиональной, дилетантской поэзии, помноженной на тонны печатной макулатуры, принял поистине устрашающие размеры. А «любительство» как особое явление в сфере творчества стало бичом современности, по справедливому замечанию Эльчина, размывая и притупля художественно-эстетический вкус читателя или зрителя.

«Серятина» в поэзии, много серости в прозе, и вот уже Эльчин (одним из первых в СССР) бьет тревогу по поводу потока бесцветных, панегирических статей и рецензий (статья «Анализ – глубокий и взыскательный», «Вопросы литературы», 1981), по поводу «юбилейной» критики и «описательного» рецензирования, по поводу того, что азербайджанские критики и литературоведы почти не печатаются в престижных союзных изданиях, оправдывая это тем, что нет личных связей, протекции и пр.

Анализируя состояние азербайджанской (и не только азербайджанской) литературной критики, автор замечает:

«Несведущему человеку, читающему сочинения присяжных «бюльбюльграфов», может показаться, будто все наши романы и повести, стихи и пьесы состоят

из одних шедевров. Слабых романов и повестей, стихов и пьес, фильмов и спектаклей вроде бы критика не замечает, а, в сущности, делает вид, что не замечает. Но беда не только в том, что захваливаются слабые произведения. Безответственные, пустые панегирики ничего не стоят и тогда, когда речь идет о сильных вещах. Более того, они компрометируют наши успехи... Вообще по части гиперболических похвал всегда славился Восток. Но теперь «наша» манера преувеличивать до неправдоподобия продвинулась далеко на северо-запад».

Не правда ли, будто написано не в 1981 году, а сегодня? С момента написания той статьи прошло более 30 лет, а между тем положение дел с принципиальностью в литературной критике стало еще более удручающим. Право же, нынешним критикам и литературоведам стоило бы поучиться подобной принципиальности у молодого Эльчина, который в своих статьях «смел» не соглашаться и даже критиковать такие признанные литературные авторитеты, как Лев Аннинский, Юрий Болдырев и даже Белла Ахмадулина. Но, конечно, особенно доставалось «своим», азербайджанским литераторам, даже маститым и популярным.

При этом никто не мог упрекнуть Эльчина в непатриотизме, предвзятости, потому что истинным профессионалам было понятно — резкость, нелицеприятность суждений продиктована искренним беспокойством за состояние дел в той или иной сфере литературного творчества, будь то поэзия, проза или драматургия. В то же время писатель страстно защищает в своих статьях произведения талантливые, нон-конформистские, отстаивая право литератора «быть самим собой» (ЛГ, 1982).

Кстати, одним из самых внимательных и благодарных читателей статей Эльчина в советский период был коммунистический лидер Азербайджана Гейдар Алиев. Вот как много позднее вспоминал об этом сам писатель:

«В свое время «Литературная газета» практиковала проведение дискуссий по какой-либо проблеме или о каком-нибудь произведении. Помнится, в начале 80-х годов была напечатана моя статья, в которой я очень резко полемизировал с российским критиком Юрием Болдыревым по проблеме национального и интернационального в художественном творчестве. Поздно вечером мне позвонил Гасан Гасанов, работавший в ту пору секретарем

Центрального Комитета по идеологии. Сказал он мне примерно следующее: «Гейдар Алиевич отдыхает в Крыму. Он только что позвонил мне и сказал, чтобы я передал тебе его поздравления. Он прочел твою статью, она ему очень понравилась, он считает, что ты очень верно мыслишь».

Эльчин был, пожалуй, единственным из популярных азербайджанских писателей, кто регулярно публиковался с серьезными литературно-критическими статьями на страницах «Литературной газеты», причем ему нередко пересылали письма из «ЛГ», в которых читатели интересовались теми или иными сторонами литературной «кухни», и Эльчин давал на них обстоятельный ответ в той же «Литгазете». Так появились знаменитые в свое время статьи «Бывают ли гривастые львицы» («ЛГ», 1980), «Схема? Жизнь» («ЛГ», 1983) и многие другие, в которых Эльчин размышляет над сложными вопросами психологии творчества, сочетания описательности и событийности, лирики и драмы в произведениях классической и современной прозы, об особенностях и преимуществах прозы сюжетной и бессюжетной, о соотношении национального и общечеловеческого в произведениях искусства.

Особое место в творчестве Эльчина-литературного критика занимают диалоги с писателями, причем не только ближнего, но и дальнего зарубежья. Так, в споре с российским писателем В.Коробовым Эльчин отстаивает право автора отражать в своих произведениях «диалектику души», внутренний мир человека в противовес прозе динамичной, остросюжетной («ЛГ», 1979); в диалоге с венгерским писателем Дюлой Чаком Эльчин дает весьма точное и емкое определение сути и истинного предназначения литературной критики: «Критик, с одной стороны, призван помогать читателю в постижении литературы, с другой – должен быть в состоянии помогать и самому писателю в постижении мира» («ЛГ», 1983). А в диалогах с тунисским литератором Мустафой аль-Фарси и поэтом из Ганы Атукевей Окаем затрагивается весьма актуальная и поныне тема двуязычия литературы в той или иной стране. Эльчин говорит А.Окаю: «Ты – поэт Ганы. Главный лирический герой твоих произведений – Гана, а в более широком смысле – вся Африка. Поэтому волей-неволей напрашивается вопрос самый горький и тяжелый для писателя: понимает ли тебя твой народ?» («ЛГ», 1987).

В своих последующих статьях и эссе Эльчин не раз обращается к этой теме, справедливо полагая, что только тот писатель сможет подняться до мирового художественного уровня в своих произведениях, который, с одной стороны, знает язык, историю, традиции своего народа, то есть не оторван от корней, а с другой – органично впитал в себя лучшие традиции мировой, европейской культуры.

Читать статьи Эльчина не только интересно, но и поучительно, ибо ни одна из них не страдает литературной замкнутостью, регионализмом или провинциализмом. Автор апеллирует в своих рассуждениях к самому широкому кругу писателей, свободно переходя от Ю.Трифорова к Ф.Абрамову, от И.Друце к Ч.Айтматову, от С.Ахмедова к М.Ибрагимбекову. Начитанность, литературная образованность критика, вовлеченность в общесоюзный литературный процесс и идущие на его пространстве дискуссии – одна из самых привлекательных черт статей Эльчина. Причем не только советского периода.

В 1987 году в Москве вышла книга Эльчина «Поле притяжения». Помимо образцов собственно литературной критики, событием для всесоюзного читателя стали

эссе Эльчина о выдающихся поэтах, писателях, общественных деятелях Азербайджана. В этих очерках-эссе Эльчин выполняет просветительскую миссию подлинного художника, который, не ограничиваясь оригинальным словотворчеством, считает своим гражданским долгом познакомить широкого читателя с тем лучшим, что было создано до него и вошло в духовную сокровищницу нации. Эссе-портреты о М.Ф.Ахундове и Дж.Джабарлы, об Уз.Гаджибейли и О.Ф.Неманзаде, о М.А.Сабире и С.Вургуне, о М.Мушфиге и Р.Рзе, созданные пером их талантливого собрата, – это зримое подтверждение тезиса о богатстве и многоцветии литературных традиций азербайджанского народа. Красной нитью сквозь все эти эссе проходит мысль о том, что надо чутко и бережно относиться к этому бесценному достоянию и перестать видеть историю в черно-белых тонах.

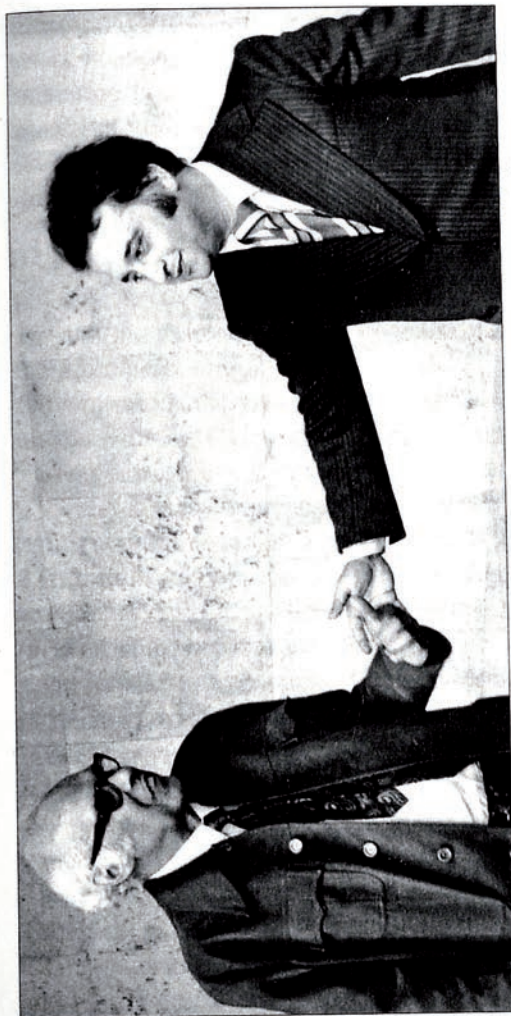
Одним из первых среди азербайджанских писателей Эльчин сказал о необходимости пересмотреть отношение к своему прошлому, и, пожалуй, впервые на страницах самого популярного общесоюзного издания прозвучали имена А.Агаева, А.Гусейнзаде, Ум-уль-Банин и др. Про

французскую писательницу азербайджанского происхождения Ум-уль-Банин Эльчин напишет отдельное эссе, и оно опять-таки будет опубликовано в «Литературной газете» (26 июля 1987 года). Так, силой своей популярности и авторитета на пространстве СССР Эльчин прокладывал дорогу не только (и столько) своим произведениям, сколько талантливым, но незаслуженно забытым именам своих предшественников. И за эту миссию сбережения духовного достояния народа ему, конечно же, огромное спасибо.

В статье «Мир в сцеплении типографских знаков» («ЛГ», 1986) Эльчин признается, что его давно занимает фигура писателя-художника, который регулярно выступает как критик. По мнению Эльчина, особенностью таких писателей и, по совместительству критиков, является яркая индивидуальность, личностное начало, свой, неповторимый взгляд на вещи. В этой статье Эльчин, по сути, формулирует главную задачу серьезной критики, которая должна быть далека от бездумных похвал и пустых дифирамбов. «Самое дорогое и ценное для писателя, – говорит Эльчин, – это понимание. Понимание его художественного мира».

Таким серьезным, вдумчивым критиком, являлся и сам Эльчин, помогавший собратям по перу своими литературными статьями верно выбрать ориентиры, определить дальнейший вектор движения, новые горизонты художественных поисков и художественного познания мира. В этом непреходящая ценность и историческое значение литературно-критического наследия Эльчина советской эпохи.

*Газета «Каспий»,
17 апреля 2014 года;
«Литературная газета»,
№ 6, 2015 год*

1976-ой год. Москва. С южноафриканским писателем Алексом Ла Гурна

ПРАВО БЫТЬ САМИМ СОБОЙ

*О книге Эльчина «Мечта,
жизнь, литература»*

СТАТЬЯ 2

... Шли годы, менялись темы, ориентиры, идеология, одно в Эльчине-критике оставалось неизменным – тревога истинного писателя за настоящее и будущее азербайджанской литературы.

Помню я, уже в качестве собственного корреспондента «Литературной газеты», буквально упросила Эльчина согласиться на беседу (он тогда несколько отошел от современного литературного процесса, так как уже год как пребывал в должности вице-преьера, курирующего всю гуманитарную сферу страны, и ему было не до интервью). Для любимой им «Литературки» было сделано исключение, и на свет появилось интервью-беседа под названием «Комедии и драмы перелома» (1994 г.). Оно, кстати, тоже вошло в рецензируемый нами сборник литературно-критических

статей. В этой беседе затронуты многие темы, волновавшие тогда общество: роль и значение современной литературы в освещении переломных событий эпохи, состояние духовной жизни общества, место интеллигенции в непростых процессах, происходящих на постсоветском пространстве, отношение к прошлому и многое другое. Эта беседа вернула писателя в любимую им газету, спровоцировала поток читательских писем и откликов...

Истинный писатель-патриот, радеющий о судьбах Слова, Литературы, не может оставаться в стороне, если на этом пространстве происходят тревожные, порой негативные процессы. И уже в XXI столетии писатель вновь берется за перо, чтобы с присущей ему принципиальностью и откровенностью проанализировать современный литературный процесс в Азербайджане и вынести свой вердикт: что-то неладно у нас «в Датском королевстве», что-то идет не так. Азербайджанская литература все более подвержена «болезни Вайсмана» (по имени героя одного из рассказов Афаг Месуд). Статья «Болезнь Вайсмана» нашей литературы» и последовавшая за ней спустя несколько лет большая статья-монография «Что происходит

в азербайджанском литературном процессе?» буквально встряхнули литературную общественность, способствуя оживлению и консолидации талантливых литературных сил.

В принципе, работы Эльчина и преследовали эту цель. Проанализировав удручающее состояние современного литературного процесса, в котором профессиональные, качественные произведения буквально тонут в море дилетантской, низкопробной продукции, Эльчин прямо обращается к своим коллегам: не поддавайтесь влиянию «серости», не отступайте и не пасуйте перед бездарностями, имя которым сегодня – легион. До тех пор, пока не откроют действенную вакцину против графомании, миссия профессиональной критики заключается в том, чтобы заняться «очищением литературной атмосферы». Нельзя поднимать руки вверх и сдаваться, надо идти против мутного потока обывательской пошлятины, примитивных дифирамбов и фальшивого горлопанства. И потому в заключение статьи Эльчин призывает своих коллег-профессионалов вернуться в критику, чтобы рука об руку с новой талантливой сменой вывести литературный процесс из тяжелой ситуации.

Помню, как лично меня воодушевил этот клич, и я в какой-то момент также вспомнила о своей «первичной» профессии литературоведа и литературного критика. После этого из-под моего пера стали выходить статьи и рецензии, правда, каюсь, откликаться я старалась лишь на произведения талантливых авторов. Тому же Эльчину посвятила несколько статей, которые получили высокую оценку самого мэтра. Хотя однажды от меня изрядно досталось некоему злобствующему графоману, и после моей резкой отповеди о его так называемом «творчестве» (статья была опубликована в той же газете «Эхо», где этот «писатель» печатался) солидные газеты закрыли для него двери своего «дома».

Да, Эльчин абсолютно прав, и молодые профессиональные критики должны брать с него пример. Только принципиальностью и нетерпимостью к халтуре можно спасти наш литературный процесс. Ведь, как пишет Эльчин, «радеть о литературе – значит, уметь называть вещи своими именами, хорошее – хорошим и точно так же ущербное ущербным».

* * *

...Одним из самых заметных, новаторских образцов современной литературной

критики последних лет являются «Беседы о литературе», где писатель Эльчин отвечает на вопросы писателя, переводчика Яшара Алиева. Это объемное интервью размером с небольшую книгу вместило в себя поистине шекспировский размах и масштаб обсуждаемых тем – роль среды в формировании писателя и роль художественного произведения в судьбе человека, девальвация художественных ценностей в эпоху тотальной свободы слова, художник и цензура, извечная тема взаимоотношения художника и власти, литература и Интернет, будущее театра и классической книжной культуры, мировая литература и проблемы художественного перевода и многое другое.

И Эльчин, и Яшар Алиев – люди архиначитанные, прекрасные знатоки и ценители лучших образцов мировой литературы, причем как классической, так и литературы модерна, поэтому это действительно беседы двух равноправных участников, и чтение этих бесед порой просто захватывает. Ты физически ощущаешь, как у тебя на глазах рождается интересная мысль, получаешь подлинное наслаждение от емких, оригинальных ответов на мучающие Яшара Алиева вопросы. Ответы Эльчина не просто

обстоятельны, они предельно фактографичны, насыщены именами писателей, поэтов, критиков, названиями произведений, литературными цитатами и реминисценциями. Это поистине пиршество мысли и духа, это праздник для «литературных гурманов». При этом главное качество беседы – ее корректность и интеллигентность.

... Помимо колоссальной эрудиции Эльчин обладает замечательным свойством настоящего писателя – он человек сомневающийся. Вот и в конце этой замечательной беседы, равно как и в начале ее, он вновь выражает свои сомнения – да пойдет ли кому-нибудь впрок этот сугубо литературный диалог? На этот вопрос, как мне кажется, очень верно ответил в предисловии к беседе Яшар Алиев: «Я верю, что это повествование послужит формированию литературного вкуса у многих взявшихся за перо литераторов, многих читателей, станет для них ориентиром на пути в большую литературу...» Со своей стороны добавлю, что подобные «литературные мастер-классы» должны бы изучаться на факультетах филологии и журналистики в наших вузах, помогая прививать любовь к Слову.

* * *

Завершают сборник литературно-критических работ короткие заметки о литературе, которые Эльчин писал в виде набросков, заметок на протяжении всей своей жизни. Помню, после знакомства с его литературными дневниками я (в который раз!) поразила многообразие и истине энциклопедичности его познаний в сфере литературы. Каюсь, сама много читавшая и читающая по сей день, то и дело сталкивалась в процессе чтения дневников с именами малознакомыми или вовсе неизвестными. А имена знаковые и даже любимые (тот же Толстой, Чехов или Джалил Мамедкулизаде) открывались для меня благодаря Эльчину с новой, порой неожиданной стороны.

В последние 10-15 лет мы все стали меньше читать: обилие дел и обязанностей, масса периодики, которую надо просмотреть по долгу службы, плюс ежедневная порция оперативной информации в Интернете почти не оставляют времени для серьезного, вдумчивого чтения. И тем поразительнее (и показательнее!) пример Эльчина, который на протяжении всей своей сознательной жизни ни на один день не расставался с главным своим духовным

богатством – книгой. Прочитывая и перечитывая его дневниковые записи, ощущаешь, как постепенно тебя охватывают удивительные чувства – радости, нравственного удовлетворения и сопричастности тому великому и непреходящему, что именуется Литературой. Именно так – с большой буквы, с огромным уважением и любовью относится писатель Эльчин к персонажам, произведениям, а также к создавшим эти персонажи и произведения бессмертным именам своих духовных прародителей.

Мини-эссе, собранные в книге «Время и Слово», написаны в разное время – одни относятся к советскому периоду, другие к смутным годам перестройки, есть и записи последних лет. Эльчин сам пишет в предисловии, что по прошествии многих лет изменились его представления о тех или иных явлениях жизни, литературы и искусства, однако он предпочел не «осовременивать» свои заметки и предоставил их на суд читателей в «непричесанном» виде. И тем удивительнее одно обстоятельство: если судить по этим эссе, то почти за полвека литературной деятельности Эльчин практически не изменился в своих литературных вкусах и пристрастиях. И еще

один факт: он и в советское время был абсолютно чужд вульгарной пролетарской идеологии, и в советское время отвергал советскую конъюнктуру, отвергал и на версту чуял ее своим безупречным художественным вкусом.

Кстати, показательно, что Эльчин всегда стремится опубликовать свои книги, труды, статьи прежде всего на двух языках – азербайджанском и русском (я не беру в расчет книги, изданные за рубежом), желая таким образом расширить ареал своей читательской аудитории, которая в нашей республике, как известно, в значительной степени состоит из русскоязычных.

Знаменательно, что, пройдя через испытание популярностью, славой, карьерным успехом, Эльчин остался верен принципам своей литературной молодости, верен своей главной неистовой страсти – служению Слову. По его собственному признанию, потребность писать для него является синонимом слова «жить». И пока это так, есть вера и в то, что будущее литературного процесса в Азербайджане небезнадежно...

*Газета «Каспий», 24 апреля 2014 года;
«Литературная газета», № 6, 2015 год*

*Главный редактор журнала
«Дружба народов» Сергей Баруздин, Эльчин*

**«МАЛАЯ ПРОЗА»
БОЛЬШОГО ПИСАТЕЛЯ**

**Трансформация лирического героя
Эльчина в прозе последних лет**

Эльчин – автор самых разноплановых произведений. Начав свой творческий путь с «акварельных» абшеронских рассказов и повестей, автор впоследствии возвысился до фундаментальных, поистине эпохальных романов, таких как «Махмуд и Мариам», «Смертный приговор». Потом наступило время увлечения театром, в результате чего азербайджанская драматургия обогатилась целым рядом талантливых сценических произведений. В последнее десятилетие из-под пера Эльчина вышли замечательные образцы жанра «малой прозы» – рассказы, маленькие повести, сказки-притчи, обращенные как к детям, так и ко взрослым. Перечитав их недавно, решила поделиться впечатлениями, ибо считаю все, выходящее из-под пера маститого лите-

ратора, заслуживающим самого пристального внимания и изучения.

Боль моя – Карабах

Бытует мнение, что азербайджанские писатели до сих пор не создали достойных произведений о карабахской войне, что масштаб постигшей азербайджанский народ трагедии не отражен в художественной литературе. Если это и верно, то лишь отчасти. В поэзии карабахская тематика звучит широко, достаточно вспомнить знаменитую «Ходжалинскую симфонию» талантливой азербайджанской поэтессы Нурангиз Гюн.

Прозаических произведений – романов, повестей, рассказов – тоже немало.

Вместе с тем, есть произведения, которые затрагивают карабахскую проблему, так сказать, «не в лоб», а опосредствованно, через нелегкие судьбы обожженных войной людей. Таковы, в первую очередь, повести и рассказы народного писателя Азербайджана Эльчина из цикла «Беженцы» – «Карабахское шикесте», «Сары гялин», «Знаменосец» и др.

В этих повестях не звучат пулеметные очереди, не разворачиваются батальные сцены и не погибают героической смертью

наши шекиды. Но она, эта проклятая война, присутствует в повестях Эльчина в виде искореженных, изломанных судеб карабахцев, ставших в одночасье беженцами на родной земле. Они не умирают с голоду, они худо-бедно нашли приют в рабочем общежитии в приморском поселке Бузовны, они день-деньской спуют по Абшерону в поисках пропитания, а ночью им снится родимый край. Эти люди живут воспоминаниями о потерянной земле, как Джуму, герой повести Эльчина «Карабахское шикесте», который в сотый, в тысячный раз перебирает в памяти чуть ли не каждое дерево, валун, даже заросли ежевики, карабкавшиеся по горным стремнинам, и с горечью осознает: минувшие после оккупации Шуши годы не были его жизнью. «Это было нечто другое. Что именно? Что бы то ни было, его настоящая жизнь осталась там, в Шуше, в махалле Агадели...»

Даже сурово-прекрасная природа Абшерона, которая, к примеру, местному жителю Агададашу дарит «покой и отдохновение», для Джуму – нечто чуждое и даже враждебное. И он задыхается по ночам в горячем влажном воздухе, то и дело просыпаясь от морского гула. А стоит

ему ненадолго забыться, как перед мысленным взором возникает изумрудно-лиственный колорит любимой Шуши.

Трагедия не по своей воле покинувших отчий кров беженцев передается Эльчином не плакатно, а чисто художественными средствами – через образы и характеры, через психологическое состояние людей, приютившихся в бузовнинском рабочем общежитии: потерявший от тоски по родине память Мамед киши, безумно любящий свою красавицу-жену и пьющий от осознания безысходности своего положения Джумшуд, его жена Сона, чью красоту не могут затмить ни убогие условия жизни, ни стираное-перестираное платье, жена Мамеда киши Сурайя хала, которая, несмотря на наказания чиновников, бросает в лицо сотруднице Верховного Комиссариата ООН по делам беженцев горькие слова: «Ничего нам не нужно! И гуманитарной помощи не надо! Везите ее и отдайте армянам. Только верните нам Шушу!». А еще в короткой повести есть колоритный образ коренного бузовнинца Агададаша, а также сотрудницы ООН Изабель Ханукофф, чьим генам передалась тоска ее матери Зибы по далекой родине в поселке Красное Губинского

района Азербайджана. И все эти образы искусно соединяются в единое целое пронзительной мелодией «Карабахского шикесте» как символа далекой и прекрасной родины, потеряв которую человек никогда не сможет быть счастлив. В этой короткой повести на весьма локальном материале Эльчину удалось отразить глобальные проблемы, показать трагические контрасты и горькие последствия армянской оккупации в судьбе азербайджанского народа.

Повесть «Байрагдар» («Знаменосец») продолжает цикл рассказов о жизни обитателей бузовнинского рабочего общежития. В центре повествования образ Сурхая и его сына Абульфата, прозванного Эусебио за выдающийся талант футболиста. Нет у Сурхая, некогда продававшего газеты в киоске в центре Шуши, ничего более ценного в жизни, чем сын и еще трехцветный флаг, который он смастерил собственными руками, «и когда в восемьдесят восьмом году Сурхай Байрагдар предстал митингующим с вознесенным над головой трехцветным стягом, многие, привыкшие круглый год созерцать серпастый-молоткастый флаг советской республики, впервые увидели триколор независимого Азербай-

джана. И с тех пор в Шуше не было митинга, где бы не участвовало знамя Сурхая, не было похорон шехида, сраженного армянской пулей, над которым бы не склонилось знамя, которое держал в руках Сурхай...» А в сердце Сурхая угнездилась безоглядная любовь к этому знамени.

Я вспоминаю митинги конца 80-х – начала 90-х годов в Баку, когда такие же байрагдары-романтики поднимали триколор на улицах и площадях столицы, рискуя попасть за это в милицейский участок (некоторые, кстати, попадали). Они гордо шагали со своими стягами во главе колонн и были готовы умереть во имя того, чтобы это знамя всегда развевалось над их головами. Многие из этих парней во время карабахской войны и впрямь сложили свои головы в боях за территориальную целостность страны. И не их была вина в том, что Азербайджан проиграл ту войну...

Приотившись в рабочем общежитии в поселке Бузовны, добывая хлеб насущный для семьи торговлей газетами на трассе Баку-Мардакяны, Сурхай не изменил своей привычке и по главным праздникам всегда вывешивал свой любимый триколор из окна комнатухи на третьем этаже. И надо же было случиться страшному,

немыслимому: играя с ребятами футбол во дворе и доставая мяч с крыши котельной, сын Сурхая поскользнулся, полетел вниз и напоролся на древко знамени, которое Сурхай уже снял с крыши, но не успел внести в дом. Зубило, вколоченное в низ древка, угодило в грудь Абульфата-Эусебио и пронзило сердце парнишки.

Концовка произведения производит сильное впечатление: потерявший единственного сына Байрагдар выходит из-за поминального стола, за которым собрались потрясенные гибелью Абульфата родные и соседи, приносит свой заветный триколор и вешает между ветвями пшатового дерева. Хотя, казалось бы, мог в порыве скорби и отчаяния разорвать и даже растоптать знамя, древко от которого убило его сына. Но даже в этот страшный час знамя остается для него главной святыней, ведь, помимо всего прочего, это последняя ниточка, связывающая семью Сурхая и семьи всех беженцев с родной Шушой. А в то, что это знамя вернется в родимый край, Сурхай, в отличие от некоторых своих сородичей, не сомневается ни секунды. Распростертое над поминальными столами знамя как бы свидетельствует: сын Сурхая – тоже шехид, как и тысячи других

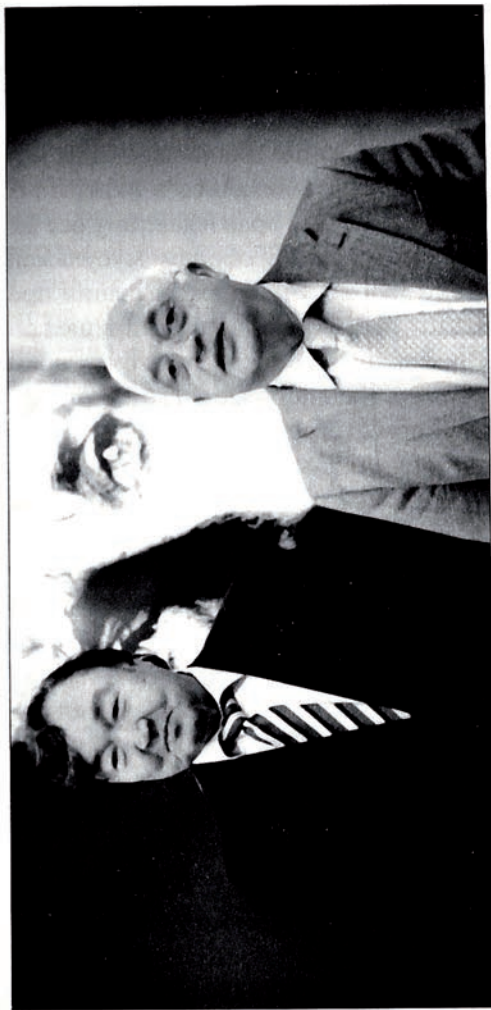
сыновей Азербайджана, не вернувшихся с поля брани. И в этом – оправдание его нелепой смерти и такой короткой жизни...

В повести нет ни одного плакатно-публицистического призыва любить свою родину, защищать родной край, однако в целом она производит столь сильное и неизгладимое патриотическое воздействие, что я бы порекомендовала Министерству образования включить повесть «Байрагдар» в обязательную школьную программу и изучать во всех средних учебных заведениях.

В произведении много других, не менее колоритных персонажей: например, буфетчика Ибадуллы, прокурора Ахмеда Агаевича, сторожа его дачи Василия Кузьмича. Эльчин никогда не живописует своих героев одной лишь черной или белой краской, даже твердокаменный взяточник-прокурор в состоянии расчувствоваться от щемящей мелодии «Сейгях», которую самозабвенно играет в ресторане кларнетист по имени Джаваншир. И в такие минуты душевного просветления прокурор понимает, что, в сущности, зря прожил свою жизнь и что накануне смертного часа ему будет нечего предъявить господу Богу кроме нажитого нечестным трудом добра и бриллиантов жены.

И все же, хотя Эльчин никогда не говорит об этом прямым текстом, симпатии писателя на стороне гонимых и униженных, на стороне того самого «маленького человека», который всегда был главным героем его лучших повестей и рассказов. И этот «маленький человек» в силу редких душевных качеств – благородства, бескорыстия, верного понимания истинных ценностей жизни вырастает под пером Эльчина до уровня истинно богоизбранного человека, той самой «соли земли», на которой держится наш мир.

Таков, например, образ старика Василия Кузьмича – сторожа и по совместительству садовника на даче прокурора Ахмеда Агаевича. После смерти супруги Василий Кузьмич продал свою квартиру и все деньги отдал сыну Ивану. Хотя человек тот, по всему виду, не очень хороший: на похороны родной матери не удосужился приехать, да и отцу от вырученных за квартиру денег не оставил ни единой копейки. Прокурор также платит Василию Кузьмичу сущие гроши, на которые в месяц разве что пару килограммов мяса можно купить. Но старик ни на кого зла не держит и никого не осуждает, потому что «жизнь была жизнью, и у нее были

Эльчин с Олжасом Сулейменовым

свои законы». Правда, есть у старика одна слабость: уж очень он любит вкусно поесть, а потому с легкой руки соседского садовника Аламдара Кузьмич пристрастился ходить на поминальные обеды мусульман, которые давались в окрестных поселках. А так как православному все же ходить на траурные обряды мусульман как-то неудобно, он однажды решил про себя, что стал мусульманином. Пришел он и на поминальный обед к убитому горем Байрагдару. Наши старые знакомые по повести «Карабахское шикесте» – кяманчист Танрыверди и Джуму сперва удивились приходу русского человека, а Танрыверди даже спросил у Джуму, кто бы это мог быть.

« – Кто бы ни был, – отозвался Джуму, – да будет впрок ему.

А Василий Кузьмич, со вкусом уминая плов с мясом, вновь убеждался, что нет народа, который бы готовил такие вкусные яства, как азербайджанцы, и в эти мгновения Василий Кузьмич гордился, что и он, в известном смысле, мусульманин, как эти славные азербайджанцы». Не знаю, как у кого, а у меня при чтении этих строк (повесть я перечитывала трижды) всякий раз на глаза наворачиваются слезы.

Повести «Карабахское шикесте» и «Байрагдар», если говорить громким словом, знаменуют новый этап в творчестве народного писателя, а многочисленные критики и рецензенты расценивают эти произведения как незаурядное явление всей современной азербайджанской литературы. Я же скажу просто: так деликатно и, вместе с тем, с такой художественной силой об азербайджанских беженцах и их трагедии еще никто не написал. И за это любимому мной писателю низкий поклон.

Перевоплощения

Две повести, чьи художественные достоинства можно перечислять еще долго, все же появились на свет около 10 лет тому назад. А вот рассказы Эльчина под названием «Волки» и «Тень», а также короткая повесть «Судьба Кашея» – это новые детища писателя, написанные совсем недавно. Кстати, рассказ «Волки», о котором разговор особый, так впечатлил главного редактора российской «Литературной газеты», что, несмотря на солидный, журнальный, объем рассказа, он был полностью опубликован в одном из номеров «Литературы». Однако об этом рассказе чуть позднее.

Что касается рассказа «Тень» и повести «Судьба Кашея», то в этих произведениях Эльчин продолжает исследовать глубины человеческой души, проблемы мироощущения своих героев в изменившемся до неузнаваемости обществе. И хозяин петуха по кличке Кашей – Зарбала, и его сосед молла Зейдулла, и главный герой рассказа «Тень» – ученый-арахнолог Фариз муаллим продолжают галерею образов «маленьких людей», тех самых простых, с первого взгляда, ничем не примечательных обывателей, из которых, собственно, и состоит род земной. Однако в том-то и парадокс, в том-то и «фишка» произведений Эльчина, что жизнь и судьба этого «маленького человека», его беды и страдания, его радости и неудачи для нас порой интереснее любых детективов или жизнеописаний какой-нибудь выдающейся личности. Ибо архетип «маленького человека», выведенный в произведениях Эльчина, – это в совокупности все мы, это отражение нашего национального характера, нашей идентичности. И мы узнаем в этих героях самих себя: свои пороки, свои слабости, свою возвышенную, ранимую душу. Да, герои многих рассказов и повестей Эльчина, на первый взгляд, неудачники, как,

например, хозяин петуха Кашей Зарбала, или тюфяки, неспособные проявить характер, настоять на своем, обеспечить свою семью, как Фариз муаллим из рассказа «Тень». Они не сумели вписаться в крутой поворот рыночных отношений, и судьба отбросила их на обочину. Однако мастерство большого писателя заключается в том, чтобы увидеть и показать подлинную душевную красоту, незаурядность этих людей, способных и к сильной любви, и к сильному состраданию. Лично на меня произвел неизгладимое впечатление заключительный эпизод повести «Судьба Кашея», когда Зарбала, благодарный доктору Джафарову, вылечившему его сына, отдает ему свое единственное сокровище, главного добытчика семьи – бойцовского петуха по кличке Кашей.

... В последние годы творчество маститого прозаика отличается жанровым разнообразием: рассказы, повести, литературная критика, эссе, драматургия, и, наконец, сказки, жанр фэнтези, в котором Эльчин чувствует себя как в родной стихии. Во многих, вполне реалистических, даже приземленных произведениях мастера нет-нет да и проглянет некая «чертовщина», произойдет чудесное превращение, и

тогда мы услышим диалог двух теней – тени Всадника и тени Царственного Тута. Эльчин вообще обладает редкой способностью понимать язык цветов и трав, птиц и зверей, деревьев и кустарников, перевоплощаться в различные одушевленные и даже неодушевленные предметы – птицу, зверя, тар, дерево. Эта его особенность ярко раскрылась в цикле сказок, которые собраны в его последней книге «Yeni hekayələr» (Баку, изд. «Техсил», 2014).

К жанру сказок, к аллегории, к притче писатели обращаются, как правило, в пору мудрости, когда приходит время задуматься над самыми главными вопросами бытия человека. Вспомним знаменитые сказки и басни великого Льва Толстого.

Сказки Эльчина обращены, в первую очередь, ко взрослому читателю. Хотя написаны в истинно сказовой, ясной и доступной даже подростку манере. В форме аллегории автор задает своему читателю вопросы-задачи, на которые каждый должен найти свой ответ: что есть жизнь и что есть смерть? в чем истинный смысл жизни? можно ли ради мечты пожертвовать самым ценным на свете? кто прав – семейство рыб, вполне довольных сытым существованием в бассейне, или же лебедь,

который не мыслит своей жизни с подрезанными крыльями и предпочитает этой сытости бунтарский конец? Вообще главный лейтмотив сказок – бунтарство, неудовлетворенность своей судьбой и страстное желание что-либо изменить в ней, пусть даже это приведет к трагическому концу. Трудно сказать, на чьей стороне писатель. Жизнь мудрее и разнообразнее любых черно-белых конструкций, поэтому право разгадывать свои аллегории Эльчин предоставляет нам, читателям.

«И в жизни, и в литературе я противник «черного и белого». Люди совершают разные поступки, исходя из многогранности своей природы и обстоятельств. Вот почему мои читатели и зрители иногда ощущают некий знак вопроса. Например, кто является преступником в пьесе «Гатилье»? По-моему – и герой, и героиня. Он убил ее морально, она его – физически. Но все равно этих персонажей нельзя назвать полностью отрицательными. Или два эпитога в пьесе «Телескоп» – как размышление, где каждый находит то, что близко ему. Черное и белое – две грани, и миссия литературы – показать все оттенки красок жизни между ними, а цель писателя – суметь это сделать. А вы можете

назвать хоть одного отрицательного или положительного героя в «Братьях Карамазовых»?

Эльчин
Квартал вселенной

... Рассказ «Волки» – поистине нечто новое и, я бы даже сказала, дерзкое в творчестве Эльчина, который на сей раз вторгся в неизведанное для себя пространство – попытался проникнуть в психологию наших пращуров, волков. И, надо заметить, что удалось это ему просто блестяще.

Волки – главный тотем тюркоязычных народов. Волки – излюбленный персонаж многих произведений различных веков и самых разных писателей – от Джека Лондона до Чингиза Айтматова. В этом пестром многоголосье Эльчину удалось не затеряться и веско сказать свое слово. В шквале рецензий и отзывов на этот рассказ, при всей разности подходов и комментариев, рассказ «Волки» расценивается как большой творческий успех писателя.

Пара волков в рассказе Эльчина, преодолевающие вместе с выводком тяжкий путь на Восток по опустошенному засухой краю и жертвующие жизнью ради того, чтобы их потомство могло прийти до благодатной влаги, символизируют двуединое

начало, вечную борьбу противоположностей: жестокости и добра, беспощадности, враждебности к чужим и беспредельной преданности своим собратьям по крови. Беспощадный мир волков чем-то похож на мир человека, однако в этом сравнении не всегда выигрывает человек. Неспроста эпиграфом к рассказу Эльчин предпослал строки из произведений Ильяса Эфендиева: «Средь всего сущего на свете самое слабое – человек...»

Рассказ «Волки» отличается тонким психологизмом, богатством литературного языка, кажется, способного передать мельчайшие нюансы чувств и ощущений. Кстати, большинство написанных в последние годы рассказов и повестей Эльчина я читала в переводе Азера Мустафазаде, а затем, сравнивая с оригиналом, убеждалась, что переводчик, близкий по духу автору, тонко чувствующий особенности его творческой индивидуальности, – это половина успеха. Рада за этот тандем и надеюсь прочитать в переводах Азера Мустафазаде еще немало новых произведений моего любимого автора.

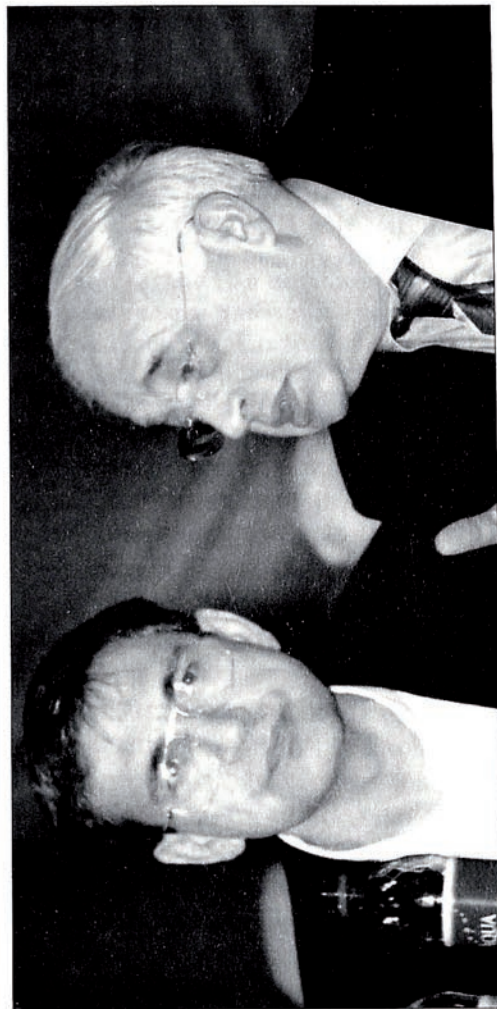
* * *

Думая о многообразии дел и обязанностей Эльчина, многие годы курирующего

всю гуманитарную политику в Кабинете Министров Азербайджана, я поражаюсь его преданности Литературе. Каждый день, на рассвете, он садится к письменному столу, чтобы провести несколько часов наедине со Словом. Ибо для него счастье в жизни без минут творческого озарения попросту невозможно. – «Не думайте, что мой путь усыпан розами! – сказал он однажды в интервью. – Было бы нечестно сетовать на судьбу. Мой успех – это огромная работа. Но я люблю ее, и жизни без этих творческих мук не представляю».

И слава Богу, потому что эти муки рождают замечательные произведения, знакомство с которыми дарит нам, читателям, ничем не сравнимые мгновения духовного наслаждения. Того самого катарсиса, который составляет главную цель и предназначение подлинной литературы.

*Газета «Бакинский рабочий»,
9 января 2015 года;
газета «Каспий»,
10 января 2015 года*

Эльчин с турецким прозаиком Орханом Памуком

ЭЛЬЧИН: КОМЕДИИ И ДРАМЫ ПЕРЕЛОМА

*Корреспондент «ЛГ» Эльмира
Ахундова беседует с известным
азербайджанским писателем*

– В последние годы вы отчего-то обходили стороной «Литературку», Эльчин, хотя, еще не так давно являлись одним из наиболее активных ее авторов. Чем вы жили все это время?

– Январские события 1990 года переломили жизнь пополам. Я не мог заставить себя не только сесть за письменный стол, но даже подумать о том, чтобы что-то написать. В голове все время звучали выстрелы... Мы живем в нагорной части Баку, так что весь этот ужас происходил на моих глазах. В минуты особенно мрачной тоски потянуло к книжной полке, причем к тем вещам, которые читал в молодости, в отрочестве. Перечитал «Робинзона Крузо». Потом открыл томик Мольера. Казалось бы, где Мольер с его комедиями,

а где – я... Гнетущая атмосфера изнасилованного города, чрезвычайное положение, конфронтация в обществе. Но вдруг, неожиданно для себя самого, сажусь за машинку и начинаю переводить одну из мольеровских пьес. В тот момент меня абсолютно не интересовало, есть ли она уже на азербайджанском, для чего я вообще это делаю. Так, «одним махом», перевел «Плутни Скапена» и «Жоржа Дандена». Потом обратился к литературе о Мольере, перечел все, что было у меня дома и что можно было достать в библиотеках, – начиная от пьесы Булгакова и кончая статьями, посвященными азербайджано-французским литературным связям. Все это впоследствии «вылилось» в большой очерк о писателе, а затем – в книгу «Комедии Мольера» с моими переводами и большим предисловием к ним.

Одним словом, контраст между тем, чем я тогда занимался, и тем, что происходило вокруг, был поразителен и до сих пор для меня необъясним. После этого внутри словно что-то повернулось. Я даже писать стал как-то по-другому. Отложил в сторону свой роман о шахе Исмаиле-втором, монографию об ашугской поэзии и занялся абстрактно-сюрреалистическими

экспериментами. Все эти вещицы я назвал «Рассказами в диалогах»... Постепенно жизнь вошла в свою колею. Я снова засел за машинку и (опять неожиданно) впервые в жизни написал комедию. Сейчас эта пьеса называется «Ах, Париж, Париж!» Быть может, переводы и комедия и были той отдушиной, которая помогла пережить все это.

– И все же многие читатели сегодня не перестают задаваться вопросом: почему современная литература избегает тех переломных событий, которые происходят у нас на глазах?

– Так ведь душе не прикажешь. Все внешние впечатления должны «созреть» до выражения в слове, получить осмысление. Спрашивают еще: отчего нет книг на карабахскую тему? Но есть же публицистика, репортажи! Не надо никого подталкивать. Я лично не сомневаюсь, что пройдет время – и об этой войне, о том, что произошло в Азербайджане за шесть лет, будут написаны и художественные произведения. Вспомним события Отечественной войны 1812 года в России. Кто и когда гениально отобразил, осмыслил их? Лев Толстой, почти полвека спустя. Требовать от писателя немедленного художе-

ственного отклика на карабахские события, думаю, неправильно. В лучшем случае появится конъюнктура, и это будет похоже на то, как лет десять – пятнадцать назад бездарные советские писатели прятались за темой, например, производственной или «откликались» повестью на постановление ЦК КПСС о развитии животноводства. На этом делались карьеры...

– Мне вспомнился ваш роман «Смертный приговор». Давно хотела спросить: откуда столь мрачное мироощущение, безысходность? Ведь роман, если не ошибаюсь, создавался в начале 1980-х и был закончен в разгар горбачевской перестройки, когда все мы еще пребывали в приподнято-восторженном настроении. И тема социальная была для вас внове, и стилистика необычна. В книге нет ни единого луча надежды! Все персонажи какие-то ущербные. Читая роман, я то и дело ловила себя на мысли: «Да полноте, тот ли это Эльчин, в книгах которого всегда присутствует романтическое, светлое начало?»

– Вы затронули интересную тему. Но прежде хочу поговорить вот о чем. Вас никогда не удивляло, почему в азербайджанской литературе последних десятилетий

нет диссидентов? Чтобы отыскать ответ на этот вопрос, необходимо вспомнить об одной отличительной черте духовной атмосферы, царившей в республике. Произведения, которые мы у себя печатали в семидесятые годы, было бы очень трудно опубликовать в других республиках Союза. Это факт. То есть критический взгляд на Систему, ироничное, даже враждебное отношение к господствующей идеологии – все это присутствовало в нашей литературе. Рукописи не лежали под сукном (конечно, если это были яркие, талантливые произведения) – вот в чем я вижу главную причину отсутствия литературного диссидентства в Азербайджане. Так что мое обращение к остросоциальной теме произошло вовсе не потому, что нам разрешили этого коснуться. Замысел созрел и вылился в художественное произведение естественно во второй половине 80-х годов, хотя задуман «Смертный приговор» задолго до горбачевской перестройки.

Сейчас, например, мода пошла на отречения. Отрекаются от написанного ранее, переделывают автобиографии. Одного, оказывается, чуть ли не силком затащили в Союз писателей, другого заставили вступить в партию. Хотя все мы знаем, какие

взятки давались, лишь бы пролезть в ее ряды. Лично я никогда ни от одной своей строки не откажусь. Возможно, некоторые мои вещи, особенно первые, слабы в художественном отношении, однако стыдиться мне нечего. Правда, «Смертный приговор» резко отличается от всего, что я писал прежде. От романов «Махмуд и Мариам» и «Белый верблюд», где присутствует светлое, романтическое начало.

Вы один из немногих азербайджанских писателей, которые за постперестроечные годы не сбавили своей активности. В Баку, в Москве, во многих странах дальнего зарубежья опубликованы новые сборники вашей прозы.

Если скажу, что не могу не писать, – прозвучит банально, хотя это и правда. Однако вот за минувшие девять месяцев не написал ни строчки, и глубоко это переживаю. Но, если честно, не жалею. Происходит процесс родов. Рождается новая республика. Новое независимое государство. И мне отрадно, что я не только наблюдаю со стороны за этим процессом, но и сам в нем участвую. Даст Бог, когда-нибудь получится документальная книга...

Девять месяцев вы находитесь на посту вице-премьера, курируете вопросы

культуры. Каким вам видится состояние духовной жизни общества сегодня? Многие утверждают, что впору кричать караул: в азербайджанской культуре, литературе, мол, царит полный застой. Нет денег, чтобы издавать книги, перестали писать наши лучшие писатели, макулатура захлестнула книжные прилавки...

Взглянем на эту проблему трезво. Да, в эпоху застоя и в русской, и в азербайджанской литературе появились серьезные, даже выдающиеся произведения. Но генеральным направлением «развития советской литературы» оставалось служение господствующей идеологии, за что и финансировали достаточно щедро культуру. Возьмем начинающего литератора. Он издавал книжку прозы или сборник стихов. Через некоторое время его принимали в Союз писателей. Все! У него сразу же было меньше проблем с публикацией следующих книжек, лечением, отдыхом и т.п. Сегодня это в одночасье рухнуло и воспринимается многими литераторами, особенно среднего и старшего поколения, как личная драма.

По-моему, сегодня безопаснее и, главное, почетнее быть в оппозиции. Oppo-

зиционера все уважают, а людей, занимающихся государственным строительством, сидящих в кабинетах власти, не так уж балуют.

Совершенно верно. А в общем-то картина вырисовывается сюрреалистическая. Врач, который не смел выразить себя профессионально, стал политиком. Писатель, поэт, не нашедший себя в творчестве, — тоже. Оттого что политику сегодня во многом вершат дилетанты и графоманы, общество в целом очень проигрывает.

Но есть же настоящие писатели, «от бога». Почему их не слышно?

Что такое настоящий писатель? Это человек сомневающийся. Человек, который думает не только о своем личном благополучии или благополучии семьи, но и о судьбе народа. Когда в обществе нет стабильности, когда все размыто и аморфно, он теряется в сомнениях. Туда ли мы движемся? За что погибли люди, скажем, в январе 1990-го года? Оправданны ли жертвы? Идет мучительное философское, нравственное осмысление происходящего.

Почему же не нашла своего места в обществе наша интеллигенция, почему оказалась неприспособленной к новой жизни?

В большинстве своем она всегда находилась на иждивении у идеологии, а теперь эту пуповину перерезали. Кроме того, интеллигенция – азербайджанская, русская, грузинская – оказалась полностью не готова к тому, к чему сама призывала. И еще я хотел бы акцентировать ваше внимание на очень интересном и, может быть, самом трагическом моменте в истории отечественной культуры. Для этого надо вернуться немного назад, в прошлое. В конце XIX – начале XX столетия в Азербайджане появилась уникальная интеллигентская прослойка. Связано это было с нефтяным бумом, с превращением Баку в нефтяную столицу мира. Кем были эти люди? С одной стороны, выходцы из народа – они глубоко понимали проблемы простых людей, знали язык, историю, традиции. То есть, не были оторваны от почвы. С другой, – они получили образование в российских и европейских вузах, знали по два-три языка. Они органично соединяли в себе две культуры: национальную и западную, европейскую. Именно поэтому в их произведениях отражение национальных проблем поднималось до мирового художественного уровня. В 10-20-е годы XX столетия часть из них

Эльчин, Мстислав Ростропович, Омар Эльбаров и
Полад Бюль-бюль-оглы во время посещения могилы маэстро Тофика Кулиева

эмигрировала, оставшиеся на родине подверглись репрессиям. Образовался вакуум. Заполняли его весьма своеобразно. Представьте, что до вчерашнего дня вы были кондуктором трамвая, ткачихой и т. п. А сегодня назначаетесь на должность азербайджанского интеллигента.

Помню, вы как-то сказали, что после войны родилось два – совершенно противоположных и порой даже чуждых друг другу типа азербайджанского интеллигента – националисты и космополиты.

И после 1937 года, и после 1945-го продолжался процесс генерации новой интеллигенции. И произошло то, что, на мой взгляд, очень повредило этой прослойке в азербайджанском обществе. Я беру ее талантливых представителей. Предположим (хотя, конечно, есть исключения), такой-то окончил русскую школу, поступил в Москве или в Баку в русский вуз, аспирантуру. Он прекрасно знает русский язык, литературу, один или два европейских языка. Но он – этот имярек – выключает радио, когда звучат азербайджанские мугамы. Потому что он этого не понимает, не чувствует, потому что оторван от национальных корней. И потому душу своего народа ему никогда не выразить.

Другой окончил азербайджанскую школу, вуз, прекрасно знает быт своего народа, традиции, язык, психологию. Плачет, когда по радио передают мугамы. Но, в конечном счете, как художник, как интеллигент он опять-таки на общечеловеческом уровне не сможет выразить душу своего народа, поведать о ней миру. Потому что не читал в подлиннике Толстого, Достоевского, понятия не имеет о том, кто такие Кафка, Фолкнер или Пруст. Ему чужды культурные ценности иных народов (здесь, конечно, не без исключений). Те люди, которые оставили глубокий след в современной азербайджанской культуре – Кара Караев или Ниязи, Бюль-Бюль или Фикрет Амиров, Рашид Бейбутов, – как раз соединяли в себе две культуры.

Картина, которую вы нарисовали, дает ответ и на вопрос о том, почему в нашем обществе постоянно живет стремление к переписыванию своей истории. Все годы после октября 1917-го (в России) и апреля 1990-го (в Азербайджане) мы только тем и заняты, что хороним одни трупы, выкапываем другие. Воздвигаем памятники одним и свергаем монументы других.

При этом самое страшное заключается в том, что мы и сегодня продолжаем ис-

кать врагов. Бесспорно: наша история, ее прочтение требуют новых подходов. Но, оценивая историю заново, мы не должны опять искать в ней лишь «образ врага». До вчерашнего дня у нас запрещали читать, исследовать произведения Али бека Гусейнзаде, Ахмед бека Агаева, Алимардан бека Топчибашева. Сегодня происходит обратное, мы, опять-таки не читая их, не вникая в их философию, поставили этих людей на пьедестал, чуть ли не обожествовали, причем в ущерб другим выдающимся именам. Стали охаивать Мирзу Фатали Ахундова, Аббасгулу ага Бакиханова, Исмаил бека Куткашенского – за то, видите ли, что они состояли на царской службе. Но помилуйте, Ахундов написал на чистейшем азербайджанском языке шесть комедий! Он привнес этот жанр в азербайджанскую литературу, сделал его фактом нашей культуры. Бакиханов был полковником, Куткашенский – генералом царской армии, но это не мешало им создавать непреходящие национальные духовные ценности. Мы же опять пишем историю черно-белой краской. Обидно...

Беседуя с вами, мы, хотим того или нет, не можем не затронуть тему войны, которая вот уже шесть лет полыхает на

нашей земле. Интеллигенция была весьма активна в начале конфликта. Правда, к сожалению, активность эта проявлялась больше в нагнетании страстей, смущении умов и возбуждении ультрапатриотических чувств обывателей. По прошествии шести страшных лет многие искренне ужасаются содеянному. Поэтесса Сильва Капутикян, вдохновлявшая лидеров карабахского движения, как-то написала в «ЛГ»: «Я бы многое дала, чтобы вернуть искренние отношения между нашими народами». Есть ли выход из кровавого тупика?

Повторю: происходит рождение независимой республики. Вернее, республик – и в Азербайджане, и в Армении, и в Грузии. Война, противостояние народов наносят колоссальный ущерб этому процессу. Дело может дойти до того, что эти республики могут потерять свою самостоятельность, подобное, кстати, произошло в 20-е годы нашего столетия. Поэтому у меня лично надежда на здравый смысл, на элементарное чувство самосохранения. Надо отказаться от территориальных претензий, смирить взаимные амбиции, а в перспективе протянуть друг другу руки, и тогда – Закавказье превратится в цветущую

щий край. Полагаю, что война скоро закончится. И что решение будет найдено справедливое. Дальше – некуда. Происходит масштабное уничтожение генофонда обеих наций, экологической системы, экономики.

Возможно, я употреблю парадные слова, но без них, наверное, не обойтись. Писатель должен участвовать в строительстве нового мира. Время собирать камни.

А какие нравственные ориентиры поддерживают вас в это сложное время?

Иногда, размышляя над этим, я впадаю в пессимизм, даже в панику. С самых древних, незапамятных времен литература «сеяла разумное, доброе, вечное». В перманентной борьбе добра со злом писатель, естественно, был союзником добра. Мировая литература родила таких гигантов, как Гомер, Шекспир, Физули, Гёте, Толстой. Вы спросите – от чего же я впадаю в панику? Да ведь ничего не изменилось в этом подлунном мире. И поединку добра со злом не видно конца. Литература не в состоянии сама по себе что-либо изменить в мире или в человеческой натуре. Это меня угнетает. А с другой стороны, представьте себе на миг, что нет Гомера, Низами, Шекспира. И что тогда? Мрак, пустота, бездна!

Знаете, в самые тяжелые моменты жизни я почему-то вспоминаю о Дон-Кихоте. И мне становится легче. Да, литература не в силах спасти все человечество, но она может помочь одному человеку. А это тоже, согласитесь, немало...

*«Литературная газета»,
14 сентября 1994 года*

**ОПАЛЕННЫЙ
«ШЕСТИДЕСЯТЫМИ»
ИЛИ «ТАИНСТВЕННАЯ
СТРАСТЬ» ЭЛЬЧИНА**

Вместо послесловия

У вполне благополучного в начале творческого пути писателя – Василия Аксенова, ставшего на исходе советской власти диссидентом, есть роман под названием «Таинственная страсть». Он посвящен кумирам шестидесятых – Роберту Рождественскому, Андрею Вознесенскому, Владимиру Высоцкому и другим, которые сопротивлялись власти или поддавались ей, верили в идеалы или предавали их, любили, ошибались... И, несмотря ни на что, творили, потому что жажду творчества невозможно убить никаким режимом. Вот эту жажду творить, порой даже вопреки, писатель называет «таинственной страстью».

... Я недаром вынесла в заголовок слово «шестидесятые». Ибо именно Эльчин, хотя и был младше остальных по возрасту,

является ярчайшим представителем «шестидесятничества» в Азербайджане, уникального, бунтарского по своей сути явления. Никакой режим, никакие, самые суровые, реалии, никакие «руководящие установки» не могли бы заставить Эльчина изменить своим эстетическим принципам и сделать его конформистом. И потому все его произведения, от первых юношеских рассказов конца 60-х годов XX века до последних зрелых произведений периода независимости представляют собой цельную художественную систему, не подверженную конъюнктуре времени.

При этом, что самое удивительное, жизнь Эльчина по своим внешним параметрам складывалась вполне благополучно. Молодой ученый, затем секретарь Союза писателей Азербайджана в советские годы, председатель Общества культурных связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, депутат Верховного Совета Азербайджана и, наконец, вице-премьер правительства страны, курирующий всю гуманитарную сферу... Однако параллельно с этими этапами стремительного карьерного восхождения внутри самого писателя непрестанно кипела напряженная внутренняя работа, та

самая «таинственная страсть», которая, к счастью, никогда Эльчина не покидала. И все, что выходило из-под пера этого большого прозаика и драматурга, было, в хорошем смысле слова, «вне времени и пространства», то есть написано не на злобу дня, пусть даже самую актуальную, а на темы нетленные, вечные, шекспировского, так сказать, масштаба. В произведениях Эльчина и в советскую эпоху, и много позднее всегда было что-то диссидентское, такое, что не укладывалось в прокрустово ложе социалистического реализма. Это касалось и выбора тем для повестей и рассказов, и самой стилистики, самой ткани повествования.

... Свои зарисовки о творчестве Эльчина я стала писать как-то незаметно для себя, повинувшись исключительно вдохновению. Не претендуя на глубокий анализ, на фундаментальность литературоведческого подхода. Однако искренняя похвала маститого прозаика, обмолвившегося однажды, что «в моем лице, Эльмира, азербайджанская литература приобрела хорошего публициста, но потеряла не менее талантливого литературного критика», подвигла меня продолжать эти зарисовки и вообще вернуться к жанру литературных рецензий.

Народный художник Тahir Салахов и Эльчин

Так появилась серия статей о разных ипостасях творчества того, кто столь близок мне по духу, по мироощущению, по преданности литературным идеалам нашей молодости. Я безмерно уважаю Эльчина за его «таинственную страсть», за его многолетнюю верность идеалам шестидесятничества, за его бескорыстное служение Слову... А такое Слово, как известно, пребывает вечно!

СОДЕРЖАНИЕ

«Серебристый фургон»	
по-прежнему в пути	5
Вначале было Слово.....	17
Сверхзадача Эльчина.....	28
Нет повести печальнее на свете.....	42
Право быть самим собой. Статья 1	58
Право быть самим собой. Статья 2.....	74
«Малая проза» большого писателя.....	84
Эльчин: Комедии и драмы перелома	104
Опаленный «шестидесятью» или «Таинственная страсть» Эльчина	120

Редактор *Эльшада Азизова*
Художественный и
технический редактор *Абдулла Алекперов*
Компьютерные дизайнеры *Мелек Шимшек,*
Агиль Амрахов
Корректор *Улькер Шахмурадова*

Подписано к печати 16.03.2015.
Формат бумаги 60x84 1/16.
Печать офсетная. Физ.печ.л. 8,0.
Заказ 18. Тираж 1000.
ООО Издательско-Полиграфическое
предприятие «Aspoliqraf»
Баку, AZ 1052, ул. Ф.Хойского, 121^В
Тел.:(+994 12) 567-81-28/29

Elmira Axundova
ELÇİNİN MÜSTƏSNA VƏZİFƏSİ
*Publisistin Azərbaycan xalq yazıçısının
yaratıcılığı haqqında düşüncələri*

Bakı, «Aspoliqraf», 2015.

АХУНДОВА ЭЛЬМИРА ГУСЕЙН ГЫЗЫ

Родилась в Раменском районе Московской области.

Окончила филфак Азгосуниверситета (ныне БГУ). Доктор философии по филологии. Член Правления Союза писателей Азербайджана, а также Комиссии по вопросам помилования при Президенте республики.

В 1980-1990 гг. работала в Союзе писателей Азербайджана, в Институте литературы им. Низами НАНА. С 1990 по 2003 гг. являлась собственным корреспондентом ряда россий-

ск
во
ной газеты», «Делового мира»,
«Общей газетъ», радиостанции
«Свобода».

Депутат Милли Меджлиса Азербайджана III и IV созывов, член парламентского Комитета по социальной политике.

Автор около 20-ти книг, а также сотен статей и художественно-публицистических очерков, опубликованных в местной и зарубежной печати.

В 2003 году указом Президента Азербайджана за большие заслуги в развитии азербайджанской публицистики Э.Ахундова была награждена орденом «Шохрат» («Слава»). В 2005 году ей было присвоено звание «Заслуженный журналист республики»

В 2013 году за активное участие в общественно-политической жизни страны Э.Ахундова была награждена почетным дипломом Президента Азербайджана. В 2014 году Э.Ахундова удостоена Государственной премии в области литературы за 6-томный роман-исследование «Гейдар Алиев. Личность и эпоха».

